

Сегодня в Молдавской, Литовской, Латвийской, Эстонской ССР, Черновицкой и Измаильской областях УССР трудящиеся избирают депутатов в Верховный Совет СССР.

Посылая лучших сыновей и дочерей народа в высшие органы государственной власти, рабочие, крестьяне, интеллигенция новых республик и областей демонстрируют несокрушимую мощь Страны Советов, силу сталинского блока коммунистов и беспартийных.

№ 2 (916)

Воскресенье, 12 января 1941 г.

Цена 45 коп.

Научная тема

Советская страна с гордостью произносит имена своих лучших ученых и изобретателей. Их творческий труд живо интересуют самые широкие народные массы.

В советских условиях, когда наука всеми своими живыми силами уходит в поиски современности, когда деятельность исследователя и рядового мастера приобретает общую направленность и начинает стираться различие между умственным и физическим трудом, — всеобщее массовое стремление к науке становится желанной закономерностью.

Так появляется органическая потребность в развитии принципиально новой темы советской литературы — научной темы.

Тема эта не могла существовать в полном объеме в литературе прошлого. Читая талантливые научные очерки Поля де Кюри, мы не можем не видеть, что они в какой-то мере являются одинокой и по существу безнадзорной попыткой создания в общественном мнении героического прелога вокруг пассивной буржуазной обшества — живой творческой науки, ученых. Не случайно лейтмотивом известной книги Л. Гулиевского «Рудольф Дизель», одной из немногих глубоких и серьезных книг, посвященных научной теме, является драма ученого, ставшего жертвой противоречий империалистической эпохи, в которой он творил.

Но в наших условиях не ограниченные ничем возможности «... живого, плодотворного, истинного, могучего, вселяющего, объективного, абсолютного, человеческого познания» (Ленин) открыты перед наукой. Этой же возможностью обладает и художественная литература.

Велика новаторская роль книг М. Ильина, проложившего новые пути научной теме в литературе. И неведомо, насколько широко распространены у нас, но и жалею читаются за рубежом. Обогатив литературу научным опытом человечества и современным знанием, они являются достойными представителями нашей молодой и растущей социалистической культуры. Этой же трудной задачей — обогащения литературы наукой — не боялись проинициаторы советской литературы М. Пришвин, книги которого имеют огромный познавательный интерес. Из литературных изданий недавнего времени обращает на себя внимание только что вышедшая книжка молодого автора И. Нецова «Рассказы об атомных». В ней нарушены каноны, установленные неумелыми и некомпетентными литераторами, полагающими, что можно рассказывать только о том, как человек готовился к трудовому подвигу и каковы были его результаты. Нецарев привел читателя в лабораторию исследователя и показал без прикрас и ложного пафоса, как люди работают. Эти повести о труде ученых, «открытательского мира», читаются с полновидным увлечением. В научной теме пробуют свои силы Геннадий Фил, А. Поповский, А. Югов и другие.

И все-таки у нас еще ничтожно мало простых, хороших, увлекательных научных книг, которые, оставаясь явлениями литературы, находились бы на уровне передовой современной науки.

Наука не только разрабатывает законы, но и учится их применять. Формулы, расчеты, перестраивающие целые области техники, эксперименты, заставляющие пересматривать устоявшиеся теории, возбудившие вокруг себя пламенное кипение страстей, — о, как давно наука перестала ридаться в тогу бесстрастия! — все это превращается в факторы эмоциональные. Доচিত книгу, в которой бьется пульс современной науки, читатель не отложит ее с одним лишь чувством спокойной благодарности, прилив к свежим новым фактам. Нет! (мы проложим эту мысль прекрасными словами Бориса Житкова) — если так, то писателю не сделано главного. Значит, из темы вывали «... борьба и трагедия, победа и торжество нового пути, что открылся в проломе вековой стены», не подлинно в читателе «... чувство, которое всего дороже: желание сейчас же вылезать в эту борьбу и, если спор не закончен, стать сейчас же на ту сторону, за которой мерещится правда».

Писатель должен явиться трибуном тех прогрессивных идей, которые ежедневно возникают в науке и технике и далеко не осознаны еще всеми участниками этих процессов.

В ярких, запоминающихся образах можно рассказать, например, о том, как советский человек вмешивается в круговорот веществ в природе, меняя естественно сложившиеся порядки на нашей планете. Меняется баланс выбираемого растениями из почвы и возвращаемого тула человеком из воздуха азота. Входят в жизнь «молодые» металлы, алюминий,

магний, кальций и другие и т. д. Эту тему помогает раскрыть, в частности, родившаяся в нашей стране новая наука — биохимия. Одно из ее крупнейших представителей акад. А. Е. Фермана мы знали до сих пор как выдающегося ученого и тонкого популяризатора. Не совсем неожиданно мы узнали его сейчас в качестве автора «Воспоминаний о камне» как талантливого писателя.

Увлекателен, может быть, рассказ о соревнованиях химической лаборатории с природой.

А какое глубокое содержание кроется в борьбе за высокие «потенциалы» современной техники, например, за скорость, которая больше, чем где бы то ни было, побеждает в воздухе. Расширяя круг примеров, можно было бы указать на тенденции современной техники применять все более высокие давления, все более высокие механические и электрические напряжения, высокие температуры — тенденцию концентрации энергии, находящую свое наиболее законченное выражение в мечте об использовании наиболее «собранных» энергетических ресурсов атомного ядра. У нас еще нет книг о технике будущего, основы которой закладываются сегодня.

Создавая эту новую технику коммунизма, наши ученые не только размышляют, но и действуют. Им не только сопротивляется природа, но и мешают люди. Старое судорожно цепляется за жизнь.

В науке на каждом шагу происходят столкновения идей, за которыми легко разглядеть борьбу различных научных методов и даже способов мышления. На наших глазах, например, косящая система генетической науки, освободившей себя от обязанности считать за каки-то случайностями индивидуальное существование организмов, испытывает сейчас жестокие удары живой творческой науки. На развалинах косной науки возникают новые, прогрессивные учения, опирающиеся на смелый эксперимент, властно отбрасывая у природы дары, так скупо отбрасываемые тем, кто покорно соглашается жить ее милостив. Проникающие в науку о жизни растений катаклизмы отражают взволнованную и яркую повесть В. Сафонова в 5-й, 6-й и 7-8-й книгах «Красной повести». Эта тема привлекает других писателей.

Наша творческая наука заслуживает того, чтобы являлась темой многих книг, умных и страстных, увлекательных и разнообразных.

Наконец, кому, как не писателям, надо работать над тем, чтобы изменить отношение к научной теме в литературе со стороны самих ученых? Передела в этом отношении нужно жалеть от писателей и ученых, вывинчивших идею создания популярной литературы — серии лекций, провозглашающих наиболее выдающимися деятелями науки, исследователями и изобретателями. Эти чтения, которым предполагается присвоить имя величайшего русского поэта-ученого Ломоносова, задуманные как творческие отчеты работников науки перед широкими массами, пожат началу созданию фундаментальной популярной научной библиотеки. Ее у нас нет, и она должна быть! Но для того, чтобы сделать свою науку доступной народу, ученые должны научиться говорить о ней простым и ясным языком. Кто, как не писатели, помогут им овладеть искусством слова?

Развитие работы вокруг новой научной темы должно иметь под собой прочную издательскую базу. До сих пор единственной лабораторией и единственным источником распространения научно-художественной литературы является Ленинград. Важнейшее дело создания популярной научно-художественной литературы для многомилионного массового читателя остается почти целиком беспризорным. Такое положение долгие годы непереносимо!

Нельзя примириться также и с тем, что научная тема в газете, за исключением тех редких случаев, когда ее выучивают разрабатывают такие писатели, как В. Агапов и некоторые другие энтузиасты этой темы, отдается, как правило, на растерзание малограмотным посредникам.

Писатели повсеместно должны взять на себя пропаганду новых научных идей, которые, внедряясь в практику, зажигая массы, становятся величайшей материальной силой. Это трудно, слов нет, но в какой области творчества может быть терпим поверхностный дилетантизм? Учитесь и держите — так ставится перед писателями задача овладения новой научной темой, для которой готова гигантская аудитория, стремящаяся соединить полновидное знание с неукротимой дерзавшей волей.

Встречи писателей с молодежью столицы ВО ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ

Творческие встречи писателей с молодежью столицы в ответ на призыв комсомольцев автозавода имени Сталина начались с литературного вечера во Дворце культуры автозавода. В гости к комсомольцам приехали А. Фадеев, П. Асеев, А. Новиков-Прибой, Н. Незлобин, Е. Доматовский, А. Раскин и М. Слободской.

Молодежь собралась во Дворце залого до начала. На встречу с писателями прибыли бывшие литружковцы завода, находящиеся сейчас в рядах РККА.

Вечер открыл А. Фадеев. Он рассказал о лучших творениях русской классической и мировой литературы, которые прививают молодежи чувство любви к родине и народу. Говоря о достижениях советских писателей, тов. Фадеев назвал лучшие художественные произведения о гражданской войне, исторические романы, книги на современные темы, познавательные творчеством советских поэтов и драматургов. В заключение он говорил о дальнейших задачах советской литературы и требовании, предъявляемых к писателям.

«Только высокая идейность», — тесная связь с реальной жизнью, огромная любовь к слову и форме, — сказал он, образцы к начинающим авторам автозавода, — помогают писателям создавать великие, подлинно художественные произведения.

У КОМСОМЛЬЦЕВ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Встречу писателей с молодежью Краснопресненского района, устроенную на другой день в МГУ, открыл А. Сурков. Он говорил о больших и почетных задачах, стоящих перед советскими писателями; в дни, когда мир охвачен войной, советская художественная литература должна дать своему народу произведения, написанные страстными словами, способными возбудить на подвиг, на борьбу за родину. Общение писателей с широкими массами молодых читателей, от которых они жагут времени и умной критики, поможет созданию подлинно художественной советской литературы.

Выступившие затем писатели не ограничили чтением своих произведений. Они сообщили, что сделали им за истекший год и что они намерены написать в будущем.

В. Иванов рассказал о своей работе над романом и сценарием о легендарном герое гражданской войны Пархоменко и о пьесе, посвященной ему, которую ставит Театр Красной Армии и Малый театр. В.

В КЛУБЕ ЗАВОДА АВИАХИМ

На встрече советских литераторов и рабочей заводской молодежи в клубе завода имени Авиацим писатели рассказывали о своем творчестве. Вечер открыл выступившим словом М. Сербяковский.

На трибуне — И. Антоковский. Его стихи «Встреча нового года», «Последние известия» и цикл, посвященный памяти В. Чапаева, находят живой отклик в переполненной аудитории. Тема стихов близка и волнует всех присутствующих. Стихи музыкальны и богаты яркими образами.

В. Вишневский готовит книгу о славных героях-моряхах Балтики, об их бес-

тысячная аудитория молодых читателей исключительно тепло принимала писателей, познакомивших их со своими творческими планами и отрывками новых произведений. А. Новиков-Прибой рассказал о главном герое своего нового романа «Капитан первого ранга», матросе, одаренном человеком, который при советской власти стал капитаном первого ранга и командиром одного из лучших линкоров. Свой рассказ он иллюстрировал отрывком из второй части этого романа. Поэт Н. Незлобин прочел стихотворение «Письмо», открывающее недавно законченную им книжку стихов «Оленья почта», отрывок «Солнце всходит» из поэмы, посвященной С. М. Кирову, отрывок из сказки «Клад» и новую песню под пером пролетар «Наше солнце», а выступивший следом за ним Е. Доматовский — два отрывка из новой незаконченной еще поэмы «Суровая зима» о командире Красной Армии, участнике боев с белофиннами.

Долго не хотела аудитория отпустить с трибуны Н. Асеева, прочитавшего молодежи две главы из повести «Маяковский начинался». Вечер закончился имениным большим успехом веселыми сатирическими фельетонами Раскина и Слободского «Из стен домика», «Русский язык» и «У репродуктора», которые прочли авторы.

КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Иванов прочел третью картину из 2-го действия пьесы.

Его сменил на трибуне поэт К. Симонов, рассказавший о написанной им в прошлом году книге стихов, посвященных боям на Халхин-Голе, где поэт был в качестве корреспондента. К. Симонов сейчас пишет пьесу о человеке, вышедшем на военное дело, пришедшем в Красную Армию и ставшем Героем Советского Союза. Поэт прочел затем главу из поэмы «Первая любовь», которую он пишет уже несколько лет.

О работе над пьесой, посвященной освобождению Украины, рассказал В. Ромашов, прочитавший затем сцену из только что поставленной его комедии «Со всяким может случиться».

Большой успех у аудитории имели фельетоны Д. Ленча и пародия на советских поэтов С. Васильева.

С чтением своих произведений выступили также А. Жаров и А. Сурков, готовивший к печати книгу стихов о советско-финской войне «Дело было на Севере».

Встречу писателей с молодежью в клубе завода имени Авиацим писатели рассказывали о своем творчестве. Вечер открыл выступившим словом М. Сербяковский. Его стихи «Встреча нового года», «Последние известия» и цикл, посвященный памяти В. Чапаева, находят живой отклик в переполненной аудитории. Тема стихов близка и волнует всех присутствующих. Стихи музыкальны и богаты яркими образами.

Писатель Николай Бобров прочел отрывки из своей книги о Чапаеве.

Фельетоны и стихи поэтов-сатириков Н. Адуева и В. Ардова не раз прерывались веселым смехом.

Писатели в Военно-политической академии им. Ленина

Военно-политическая академия им. Ленина совместно с оборонной комиссией Союза писателей устроила недавно литературный вечер для профессоров, преподавателей и слушателей академии. Вечер открыл, приветствуя писателей, начальник отдела политической пропаганды, полковой комиссар И. А. Долгин.

С большой речью о работе журнала «Знамя», издаваемого в 1941 г. 10 лет своего существования, выступил В. Вишневский. Он говорил о живой традиции боевой советской литературы, о ее традициях — Дмитрие Фурманове, Мате Залка, Мих. Чумардине, В. Лежине, С. Диковском, людях неиссякаемой духовной силы и доброты — оборонных советских писателях, которые до конца выполнили свой долг гражданина великой родины.

В. Вишневский рассказывал о работе писателей на фронте в условиях войны, об их сотрудничестве в армейской печати.

С чтением произведений выступили затем С. Ващенко, А. Новиков-Прибой, Г. Фил, Е. Доматовский, С. Михалков, А. Ибра, Н. Адуев, И. Френкель, Герой Советского Союза М. Слеснев прочел отрывок из «Трагедии в прологе Лонта», написанной в 9-й книге «Знамени». Генерал-майор А. А. Игнатьев рассказал о своей дальнейшей работе над мемуарами «50 лет в строю» и прочел главу из второй части.

Встретивший в заключение бригадный комиссар Т. Шербаков отметил, что журнал «Знамя» завоевал себе прочную и хорошую репутацию среди армейской интеллигенции. Журнал овещает жизнь Красной Армии, но он должен делать это в дальнейшем более углубленно, непрерывно стремиться к строгому отбору печатаемых оборонных произведений и смело привлекать в качестве авторов непосредственных участников крупных событий в жизни Красной Армии.

Выступивший в заключение бригадный комиссар Т. Шербаков отметил, что журнал «Знамя» завоевал себе прочную и хорошую репутацию среди армейской интеллигенции. Журнал овещает жизнь Красной Армии, но он должен делать это в дальнейшем более углубленно, непрерывно стремиться к строгому отбору печатаемых оборонных произведений и смело привлекать в качестве авторов непосредственных участников крупных событий в жизни Красной Армии.

В Совнарком СССР

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОРЯДКА ПРИСУЖДЕНИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ ПО НАУКЕ, ИЗОБРЕТЕНИЯМ, ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВУ

Совет Народных Комиссаров СССР 20 декабря 1940 года постановил:

1. Во изменение постановления СНК Союза СССР от 20 декабря 1939 года, для 1940 года, как годового в отношении достижений предыдущих лет, Сталинские премии присуждать не только за выдающиеся работы 1940 года, но и за работы последних 6—7 лет.

2. В соответствии с этим установить следующее количество Сталинских премий:

а) по 3 премии первой степени за выдающиеся работы в области науки и искусства в размере 100 тысяч рублей каждая и по 5 премий второй степени в размере 50 тысяч рублей каждая:

- 1) физико-математических наук,
- 2) технических наук,
- 3) химических наук,
- 4) биологических наук,
- 5) сельскохозяйственных наук,
- 6) медицинских наук,
- 7) философских наук,
- 8) экономических наук (включая статистику),
- 9) историко-филологических наук,
- 10) юридических наук,
- 11) музыки,
- 12) живописи.

13) скульптуры,

14) архитектуры,

15) театально-драматического искусства,

16) оперного искусства,

17) балетного искусства,

18) кинематографии;

б) по 3 премии в размере 100 тысяч рублей каждая, за выдающиеся произведения в области литературы, из них:

- три — по поэзии,
- три — по прозе,
- три — по драматургии,
- три — по литературной критике;

в) за выдающиеся изобретения (в том числе военные): двадцать пять премий первой степени в размере 100 тыс. рублей каждая, сорок премий второй степени в размере 50 тысяч рублей каждая, шестьдесят премий третьей степени в размере 25 тыс. рублей каждая.

3. Предложить Комитету по Сталинским премиям в области науки и изобретательства и Комитету по Сталинским премиям в области литературы и искусства представить свои предложения на утверждение Совнарком СССР к 15 января 1941 года, в соответствии с настоящими изменениями порядка присуждения Сталинских премий.

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Партийная организация Союза писателей решила создать в конце января очередное открытое партсобрание. В повестке дня — один вопрос: проблемы образа советского человека в современной прозе. Доклад сделает П. Павленко.

Этому собранию предшествует большая подготовительная работа. Только за последние годы вышло около ста художественных произведений, героями которых являются советские люди. На собрании, естественно, можно разобрать лишь часть этих произведений. Партбюро совместно с президиумом ССН составило и вознамерено издать список книг, рекомендуемых к обсуждению.

Среди произведений, о которых будет идти речь на собрании, — рассказы В. Горбатова «Обыкновенная Арктика», повести и рассказы А. Тарасова, объединенные в книгу «Крушинный зверь», «Дикая собака линго, или повесть о первой любви» Р. Фраермана, две повести Ю. Германа «Даншин» и «Алексей Якимкин», реалистическая сказка Г. Филла «Вредная черепашка и Теленомус», роман Ю. Брымова «Танкер «Дербент» и его новая повесть «Инженеры», «Два капитана» В. Каверина, «Санаторий Артур» К. Федина.

Предполагается обсудить также произведения начинающих писателей — роман С. Крушинского «Теплые горы», повесть Ф. Впоров «Твоя большая судьба», «Буйные травы» И. Егорова, рассказы В. Овечьих и «В Уссурийской тайге» Н. Емельянова.

В список вошли фронтальные рассказы и очерки Р. Бершадского, Евг. Петрова и В. Шкловецкого.

Нам кажется, что в этот список следовало бы добавить некоторые книги писателей братских республик, переведенные на русский язык. В частности, такое предложение, как «Глади Витая» Лео Клячели, вполне отвечает теме разговора.

ИТОГИ ГОДИЧНОЙ РАБОТЫ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). На днях бюро отделения литературы и языка Академии наук СССР подвело итоги работы в 1940 г. Института литературы в Ленинграде.

В институте закончена 10-томная «История русской литературы», охватывающая огромный период, — от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Работа над «Историей русской литературы» велась в течение нескольких лет большим авторским коллективом, который объединял более 50 научных сотрудников института, ученых Москвы, Киева, Харькова и других научных центров Советского Союза. В 1941 году выйдут в свет 1-й, 3-й и 5-й томы, остальные семь томов готовятся к печати.

Институт заканчивает работу и над курсом русской литературы для высших учебных заведений (в 3 томах), который выходит под общей редакцией В. Десниченко, Б. Мейлаха и Л. Плоткина. 1-й том находится уже в печати.

В 1940 г. подготовлен к изданию большой сборник «Вопросы теории литературы», открывающий новую серию трудов института. Первый сборник состоит из статей, посвященных как общим проблемам теории литературы, так и вопросам художественной формы. В книгу включены статьи Л. Плоткина «Сталин и литература», Б. Ялпта «Ленинская теория отражения и проблема специфичности искусства», В. Жирмунского «Стадиальные аналогии историко-литературного процесса», Б. Мейлаха «Метафора в системе художественного мышления», Г. Гувковской «Проблема поэтической лексики», Г. Винокура «Язык как предмет литературоведения» и др.

Наконец, Институт литературы Академии наук СССР подготовил к печати несколько томов по истории немецкой и французской литературы.

Переводы на эстонский язык

ТАЛЛИН. (Наш корр.). Госиздат Эстонской ССР в плане нынешнего года наметил перевести следующие произведения современной советской русской литературы: «Как закалялась сталь» и «Рожденные в борьбе» Н. Островского, «Солная кушель» и «Чусима» А. Новикова-Прибоя, «Петр I» и «Хлеб» А. Толстого, «Пелагическая повесть» А. Макаренку, «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» I—IV тт. и «Подлая пелена» М. Шолохова, «Севастопольская страда» I—III тт. С. Сергеева-Ценского, «Последние мужики» В. Кулашова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Железнодорожный ремонт» А. Серафимовича, «Не переводя дыхания» и «День второй» И. Эренбург.

Большинство этих книг уже переведены. Кроме того, издается на эстонском языке и русская классика: избранные сочинения Лермонтова, избранные рассказы Пушкина и Гоголя, «Война и мир» и «Анна Каренина» Л. Толстого и полное собрание сочинений М. Горького.

П. КРУСТЕМ

5 января на заводе имени Сталина (Москва) состоялась встреча писателей с заводской молодежью. На снимке: А. С. Новиков-Прибой выступает во Дворце культуры автозавода.

Юбилей П. Г. Тычины

ЕИЕВ. (Наш корр.). Президиум ССН Украины обсудил вопрос о подготовке к 50-летию П. Г. Тычины, исполняющемуся в январе 1941 года. Информировал президиум председателем юбилейной комиссии М. Бажан.

В день юбилея — 28 января 1941 года — в Киеве состоится большой торжественный вечер, посвященный поэту. Юбилейные вечера состоятся также во Львове, Одессе, Сталино, Черновихах и других областных центрах Украины.

Юбилейный комитет, организованный при черниговском горкоме партии готовит торжественные вечера на родине поэта — в с. Писках (Черниг. обл.) и в Чернигове.

В связи с исполняющимся в марте 1941 г. 70-летием со дня рождения выдающейся украинской писательницы Леси Украинки, президиум утвердил состав юбилейного комитета под председательством И. Стебуна.

Саломея Нерис

Имя литовской поэтессы Саломеи Нерис стало широко известно у нас после того, как с трибуны VII Сессии Верховного Совета СССР по всей стране прозвучала ее речь в стихах о «Поэмы о Сталине» с заключительными словами:

О нем ведае легенды слова
Творит народная молва,
И славит Сталина родного
Освобожденная Литва!

«Поэма о Сталине» — первое произведение Саломеи Нерис, изданное на русском языке. Однако поэма эта в творчестве Саломеи Нерис была не дебютом, а завершением довольно долгого и сложного пути.

Саломея Нерис вышла из крестьянской семьи, она родилась в Альвите на границе Германии, писать стихи начала рано, но писала их для себя, не думая стать писательницей. Первый сборник ее стихов «Ранним утром» вышел в 1927 году, за ним последовал в 1931 г. второй сборник «Слезы на щеке». Обе эти книги были встречены с большой похвалой литовской критикой, и молодая поэтесса вынуждена была в первые ряды литовской литературы. В своих стихах этого периода Саломея Нерис вследа за Людасом Гирио использовала мотивы народной поэзии, но по содержанию большинство стихов — типичная камерная лирика. Революционная католическая пресса надеялась даже найти в молодой поэтессе своего пенца, но вскоре жестоко в этом разочаровалась. Саломея Нерис не давала слышать себя похвалами реакционной печати и скоро смело вступила на новый путь.

В 1931 г. Саломея Нерис опубликовала свою «Декларацию» и три революционных стихотворения в левом журнале «Третий фронт». Этот смелый шаг молодой поэтессы вызвал не только нападки буржуазной печати, но и прямое преследование со стороны реакционного сметоновского режима. Нерис должна была оставить место преподавательницы в гимназии и лишилась работы.

Третья книга стихов Саломеи Нерис под характерным названием «Через доломитские горы» вышла в 1935 г. и была встречена, по словам Нерис, «ясными путями», однако эти пути — это путь и преследования не остановили Нерис и не сбавили ее с намеченного пути.

Видя это, сметоновское реакционное правительство решило прибегнуть к другому способу: оно надеялось подкупить поэтессу и переменить ее на свою сторону. Неожиданно за свою четвертую книгу стихов в 1938 г. Саломея Нерис была удостоена государственной премии. Однако эта

премия не соблазнила Нерис. В том же 1938 г. она пишет ряд стихотворений, которые показывают ее настроение. Особенно показательны одно из них — «Продление». В этом стихотворении Саломея Нерис описывает бегство литовской девушки из «жутких сумерек избушки» от отцовского подлого кулака. Девушка не хочет жить «среди притеснителей темных травинок» и в грозу убежит из родной избы. Молния освещает ее дорогу, пощобы бьют ее черными лапами. Девушка слышит, как догадывают сосны и смеет зовут: «Кто последует по моим следам?» Это проклятие символизировало как бы уход самой Саломеи Нерис от трясин сметоновской Литвы к новой освобожденной Литве, о которой она написала в «Поэме о Сталине».

Последнее напечатанное стихотворение Саломеи Нерис — баллада «Лары русалки». В форме народной песни баллада рассказывает о ребенке, которого мать — крепостная крестьянка, работая на барщине, забывает под ивой. Ребенок попадает в руки русалки, которая балует его, — по народной поверью, после этого он вырастает, будет «чувствовать во сто раз больней горе братьев» и уже не может быть «рабом, не будет крепостным».

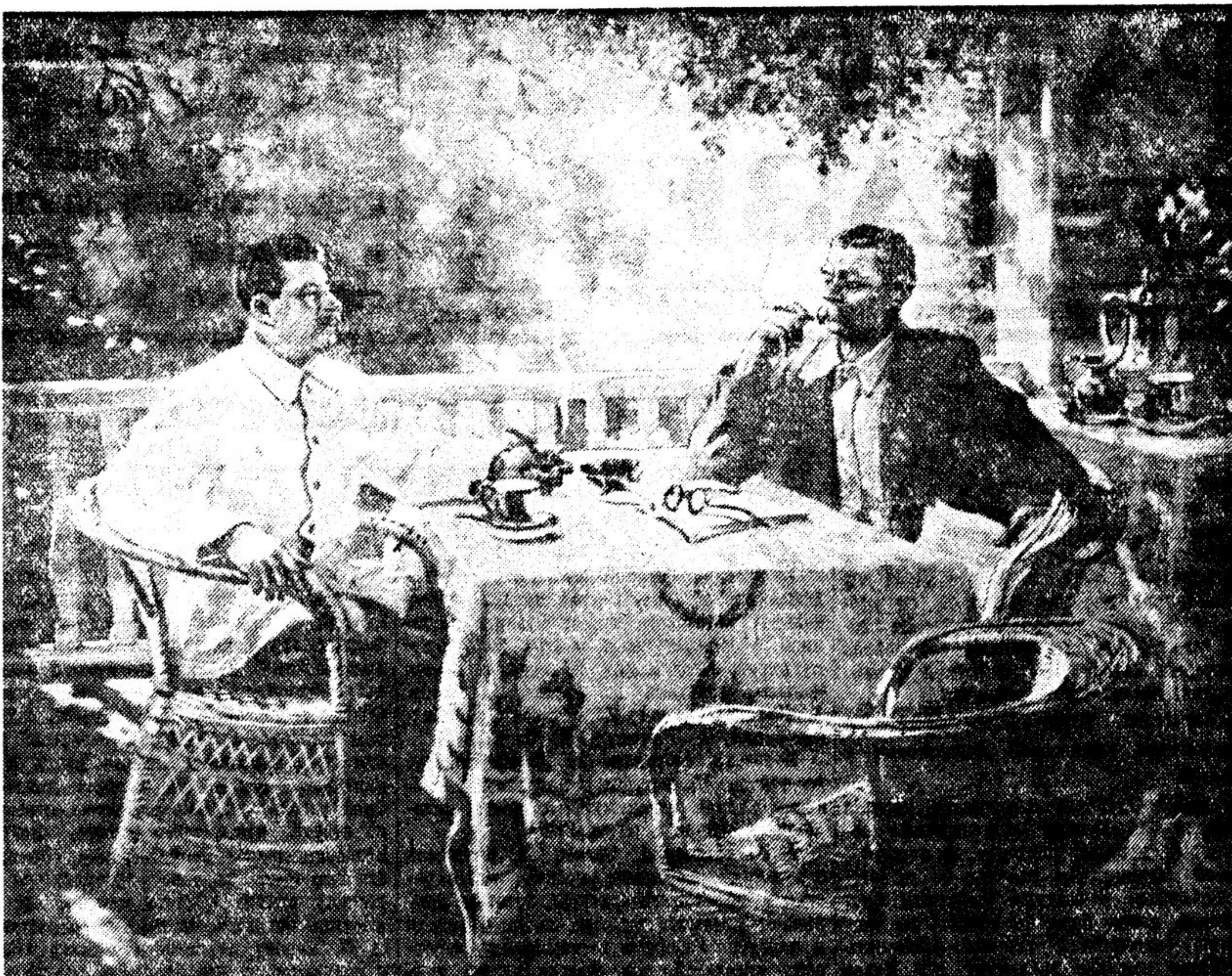
После «Поэмы о Сталине» Саломея Нерис опубликовала новую поэму «Путь большевика». В этой поэме она описывает свои впечатления от Москвы, от Кремля, мавзолея Ленина, от VII Сессии Верховного Совета:

И под сводом мраморным вступает,
И звучит литовский мой язык.
Сталин сам словам его внимает,
Сталин, как он прост и как велик!
И ползнички со мною рядом,
И стахановцы вокруг сияют.
И смотрю на них открытым взглядом
И долю их светлым твердым взглядом.

Родная Литва, «маленький мой край» является Саломеи Нерис «золотой каплей литаря», которая выливается в море народов СССР:

Литарец к лучам золотыми,
Балтика прозрачную красу, —
О, Литва, твои родные имя
Солнцем ярким в руках несут!
Влившись в СССР — народов море,
Завенши, как новая страна,
В их мотучем и согласном хоре,
Светлая Литва, моя страна!

В настоящее время Саломея Нерис выдвинута кандидатурой в депутаты Верховного Совета СССР.

«И. В. Сталин и А. М. Горький в Горках». Картина художника А. М. Герасимова на выставке лучших произведений советских художников. Фото Ю. Говорова.

Регламентированный Гаврош

Б. РАГИНСКИЙ

Образ Гавроша, этого маленького народного героя, искупает многие погрешности романа Гюго «Отверженные».

Но Гюго слишком рано лишил своего героя жизни. У читателя остается чувство неудовлетворенности. Хотелось бы еще встретиться с Гаврошом.

Это читательское желание учли авторы исторической повести «Кри-Кри».

Ничего плохого нет в том, что четырнадцатилетний Шарло Бантар, подающийся в кафе «Веселый сверчок», принимая участие в борьбе коммунаров Парижа, напоминает нам Гавроша. Гаврош вполне заслужил право иметь литературных потомков.

Но Шарло Бантар — оскудевший потомок-эпитом.

Книга «Кри-Кри» предназначена для читателя «старшего возраста». Читатель этот очень требователен, у него — поразительное чутье на фальшь и ложную патетику. И более всего он не терпит мелочной опеки и псевдопатетики. А в этом — как раз серьезнейший грех книги Е. Яхниной и М. Алейникова.

Вопрос о преемниках замечательного и назидательного в детских книгах как будто бы уже решен. Оба эти свойства в действительности хорошей книге должны быть взаимнопроникающими. Совершенно естественно, что книга о подполье, участии Парижской Коммуны, должна быть увлекательной. В повести «Кри-Кри» мы видим, как герой выселяется из школы, попадает в плен, бежит подпольными ходами, сражается на баррикадах. Но авторы, видимо, смертельно боялись, чтобы все это не показалось «голым приключенчеством». Им хочется, чтобы книга сочетала в себе свойства приключенческой повести, учебника средней школы и хрестоматии по истории Парижской Коммуны.

Е. Яхнина и М. Алейников постоянно перебегают повествование отступлениями и документами. Эти вставки никак не соотносятся с основным текстом, и способы соединения их в текст выглядят как бессмысленные. Повод для цитирования есть. Коммунары работают на полях, как голос Маляковского.

Е. Яхнина и М. Алейников. Кри-Кри. Повесть. Детиздат, 1940.

делать то, что может сделать каждый: отдать за Коммуну свою жизнь.

— А вы умеете стрелять? — спросил Жозеф.

— Я был без промаха, когда мишень мне ненавистна!

— Вы получите ружье. Лимож, и пусть ваши пули будут бить так же метко, как ваши стихи!

Нужно ли описывать, какое впечатление произвел на Кри-Кри этот короткий разговор?

Этот торжественный стиль господствует во всей книге.

И авторы и герои проявляют исключительную провинциальность.

Шарло, например, разглагольствует с первого взгляда человека, оказавшегося шпионом:

«Он отчетливо видел его тонкий, сухой профиль, острый нос, маленькие поджатые губы, подбородок с глубокой ямкой посредине. Темный штатский костюм плотно облегал его мускулистые, крепкое тело. Мальчик сразу невольно короткую красную шапку незнакомца, составляющую резкий контраст с его сухим и нервным лицом».

Весьма опытными мастерами воздействия на человеческую душу оказываются в этой книге версальские шпионы. Методы их, кстати сказать, как-то мало отличаются от ухищрений разведок современных капиталистических стран. Если верить авторам, то в этом деле за последние семьдесят лет никаких сдвигов не произошло.

Есть в книге отдельные эпизоды, свидетельствующие о том, что книга могла бы выглядеть иначе, если бы откровенная патетичность и нарочитая патетика не испортили ее. Превосходна сцена ареста Луизы Мишель, очень удачно изображены друзья Шарло — мальчик Гастон и девочка Мари, колоритна фигура мадам Дидье, владелицы кафе...

Хорошо задуман образ Шарло. Жаль только, что его жизнерадостность, задор, находчивость тонут в море ненужной патетики. После «Чаплева», после книг Ник. Островского и Гайдаара вряд ли может сильно подействовать этот плохо представленный феерьер. Трагическая героиня Коммуны не нуждается в мейнстримном освещении.

Вот в эту же погоду,
На этом же лотке —
Антоновские яблоки
Лежали налеге.

Их обнаженной коже
Морозец не мешал,
И было непохоже,
Чтоб кто-нибудь дрожал.
И самое большое
И крепкое из всех
Сказало винограду
И апельсинам: «Эх!
Укрыть бы вас покрепче
От наших снегов,
Да ведь не напасешься
На вас пухомок.
Но вот что я скажу вам,
Товарищ Виноград,
На свете жив учений,
И у него был сад,
Где изучал замашки он
Фисташки и айвы,
Где, главное, заболели
Он от таких, как вы.
Чтоб вы росли и зрели
Под ветром ледяным,
Кабасы суровый север
Качался вам родным.
Чтоб было вам, как яблокам,
Не страшно ничего.
Зовут его Мишуриним —
Ученого того.
Ему поставлен памятник
В Москве, мой друг,
И там он держит яблоко
Такое же, как вы.
И сразу встрепенулся,
И, видимо, был рад,
И сладко улыбнулся
Товарищ Виноград».

Новые Стихи

Вера ИНБЕР

Товарищ Виноград

У апельсина кожура
Красней гусиных лап.
На родине была жаря,
А нынче он озб.
Такой тут ветер ледяной,
Что стынут даже сосны.
А он, подумайте, в одной
Обертке папиросной.
Впервые снежных звездочек
Он увидал помах.
Пронор до самых косточек
И превратился в лед.
Покрыт пушишками весь
Бедняга-апельсин.
Он люто замерзает здесь,
Да и не он один!
Вот персик. Он тепло одет,
На нем пушистый ворс,
На нем фланелевый жилет,
И все же он замерз.
А золотистый виноград,
Приехав ночью в Ленинград,
Увидал утром Летний сад
И ринулся к нему.
Он видел, — статуи стоят,
И думал: «Я в Крыму!»
Пройдет еще немного дней,
Загар покрост их.
Разлетят мраморных людей
От прыжков на живых.
Но скоро бедный южный гость
Лежал в оплках, весь дрожа,
А холод резал без ножа,
Терзал за гроздью гроздь.

Но в эту же погоду,
На этом же лотке —
Антоновские яблоки
Лежали налеге.

Их обнаженной коже
Морозец не мешал,
И было непохоже,
Чтоб кто-нибудь дрожал.
И самое большое
И крепкое из всех
Сказало винограду
И апельсинам: «Эх!
Укрыть бы вас покрепче
От наших снегов,
Да ведь не напасешься
На вас пухомок.
Но вот что я скажу вам,
Товарищ Виноград,
На свете жив учений,
И у него был сад,
Где изучал замашки он
Фисташки и айвы,
Где, главное, заболели
Он от таких, как вы.
Чтоб вы росли и зрели
Под ветром ледяным,
Кабасы суровый север
Качался вам родным.
Чтоб было вам, как яблокам,
Не страшно ничего.
Зовут его Мишуриним —
Ученого того.
Ему поставлен памятник
В Москве, мой друг,
И там он держит яблоко
Такое же, как вы.
И сразу встрепенулся,
И, видимо, был рад,
И сладко улыбнулся
Товарищ Виноград».

Александр ОЙСЛЕНДЕР

Баренцево море

Как прежде, зовет и тревожит
Густая его снева.
Все помнит, все знает, все может —
И где рашуи я слова
О долге, о подвиге скромном,
О людях, что крепче гвоздей,
О море, седом и огромном,
О небе, что моря седей.
Думись от тяжелой работы,
Вздыхает горько водопад,
Все мелкие наши заботы
Смывает настоящей —
Одной.
И волны шумят, как странники,
Как будто листается том
История древней —
И мнитса,
Что сумерки помнят о том,
Что был здесь столетия за два,
Кто в наши ходил здесь года,
Морскую соленую правду
Однажды принял навсегда.
И только перешлился где-то
В набрижской от холода мгле
Седые от лунного света
Деревя на милой земле.

Как в сумном тумане пробьется,
Не веря, что где-то вдали
Звезда над Кремлем золотится,
Как орден у сердца землит?

И верю —
И полночь трудной
Все вытерло, все пережуд.
И на бор лежащее судно
Сквозь яростный шторм проведет.
И мужество, как эстафету,
Тому из мальчишек вручу,
Кто танцует к дальнему свету,
Как танцует стебель к луду.

«Вийснурк» № 5

В декабрьском (пятом) номере «Вийснурка» опубликованы материалы, посвященные Украинской ССР: статья о Тарасе Шевченко и три его стихотворения, обзор литературы Советской Украины, рассказы Н. Рыбака, стиха П. Тичины, М. Рыльского, М. Вайсана и общий очерк о народном хозяйстве и культуре УССР. Номер открывается статьей М. Руша «Интелектуальная капиталистическая страна в поисках новых путей», перенатанной из журнала «Коммунистический Интернационал». Опубликованные вслед затем стихи и статья В. Аламсы передают настроение автора, ознакомившегося с «Кратким курсом истории ВКП(б)». По словам В. Аламсы, эта книга — обвинительный акт буржуазии и самое величайшее героическое произведение в мире, которое отрезвляет интеллигенцию от яда идеалистической философии, прививавшейся ей в условиях капитализма.
В журнале напечатаны воспоминания С. Тельмана о победе на тюрьмах, стихи молодых эстонских поэтесс М. Вестам, А. Каалы, рассказы молодой писательницы Лейды Кибунис, сатирическая повесть Пауля Кеерло. Номер содержит также обзор новых театральных постановок и осенней выставки эстонского изобразительного искусства.

Китайский журнал о В. Маяковском

В руках у нас журнал, выданный в Яньин, в городе, где живет Мао Цзун, куда устремляются со всех концов Китая молодежь, в городе, который по праву называется городом-школой.

«Да чуинь это» — «Литература масс» — название этого журнала. Небольшого формата, отпечатанная на тонкой бумаге, книжка посвящена Владимиру Маяковскому.

В журнале помещены: «Левый марш» в переводе известного советского читателя китайского поэта Эми Сю с большим подведением. Начинается она словами Сталина о Маяковском, как о лучшем и талантливейшем поэте советской эпохи.

Китайские литераторы недостаточно хорошо знают творчество Маяковского и зачастую неверно понимают его, — говорит Сю. Своєю статьей он хочет внести ясность в толкование поэта и, насколько это возможно, сделать очень много.

Перед китайским читателем встает образ Маяковского, поэта-гражданина, беспощадного к врагам, любящего народом.

Статья заканчивается обращением к китайским писателям — выйти на улицу, в массы, на линию огня, писать марши и лозунги так, чтобы голос их звучал, как голос Маяковского.

ет китайскому читателю представление о «левом марше».

Переводчик в послесловии говорит о трудностях перевода Маяковского на китайский язык, о том, с какими стараниями и любовью он над этим работал.

Стихотворение «Прозаседавшиеся» переведено с английского. Это скорее распространенное переключение, чем перевод.

Хорошо и точно переведен «Разговор с товарищем Лениным».

Очень интересна статья о Маяковском, написанная Эми Сю с большим подведением. Начинается она словами Сталина о Маяковском, как о лучшем и талантливейшем поэте советской эпохи.

Китайские литераторы недостаточно хорошо знают творчество Маяковского и зачастую неверно понимают его, — говорит Сю. Своєю статьей он хочет внести ясность в толкование поэта и, насколько это возможно, сделать очень много.

Перед китайским читателем встает образ Маяковского, поэта-гражданина, беспощадного к врагам, любящего народом.

Статья заканчивается обращением к китайским писателям — выйти на улицу, в массы, на линию огня, писать марши и лозунги так, чтобы голос их звучал, как голос Маяковского.

л. ЯЗДИН.

Т. МОТЫЛЕВА ЖИВОЙ ДИККЕНС

Есть книги-друзья, к которым в радость возвращаешься много раз, в которые каждый возраст находит что-то свое. С «Пяльскими клубом» Диккенса читатель знакомится в детстве, — вряд ли перестает любить его и тогда, когда становится ровесником диккенсовского героя «Пяльских», выданный Детиздатом, — первый том давно подготовленного, долгожданного собрания сочинений. Оно открывается обстоятельным биографическим очерком Е. Ланна. Это — по сути дела самое настоящее литературное произведение. В нем дано умелое сочетание элементов художественного повествования и научной популярной биографии. В работе есть тонкая работа писателя, проницательность в анализе жизни, ее истинность и достоверность. В работе есть тонкая работа писателя, проницательность в анализе жизни, ее истинность и достоверность.

У Е. Ланна обрисована — хотя бы в общих чертах — неповторимая обстановка Диккенса-человека. Мы видим Диккенса в разных аспектах, в разные моменты жизни, — и постепенно раскрываются разные стороны его многогранной личности: его колоссальная трудолюбивость, требовательность к себе, невозможность в работе, его чуткость и организованность в работе, его чуткость и организованность в работе, его чуткость и организованность в работе.

Очень сложная проблема — Диккенс и чарльзм. Диккенс и рабочее движение его времени. Тут от биографа и популярного критика требуется большое искусство и творческий анализ, так, чтобы художник встретил перед читателем не простую сложность, а сложность человеческого бытия. Е. Ланна прав, когда пишет, что «не нужно превращать Диккенса в революционера, им он не был», но что Диккенс «всегда обрушился на социальное зло». Однако в очерке преобладают тактичные общие впечатления. А читателю — в том числе и юному — естественно, может быть, захо-

чется знать, в чем же именно выражалась борьба Диккенса против социального зла. Е. Ланна подробно пишет о том, как Диккенс обличал зло и лицемерия, борясь тем самым за моральное оздоровление общества. Нам кажется, что социально-обличительный смысл романов Диккенса несравненно значительнее. Напрасно так часто говорится в очерке о «Домби и сыне», о «Тяжелых временах». Диккенс обличал пороки не только как моралист. Его сатирические образы Домби, Фредрайда, Базилберби — острая, принципиальная критика буржуазности, критика, затронувшая самые основы буржуазного общества. Писатель Маркс считал особой заслугой Диккенса и его собратьев мастеров — изображение английских мелочного тиранства и лицемерия». Диккенс не только обличал пороки, но и показывал, чем они порождаются. Диккенс не просто борется против лицемерия, эгоизма, скупищности, жестокости, но и органически раскрывает связь этих пороков с буржуазной собственностью, буржуазной эксплуатацией. Именно в этом — глубокий антикапиталистический смысл романов Диккенса. Именно этим он объективно был соратником английских протестов, хотя решительно отвергал революционные методы борьбы. Диккенс отнюдь не существовал в чуждом ему «Тяжелых временах» — он первый среди реалистов Запада указал на всю глубокую пропасть, отделяющей буржуа от пролетария. Буржуа был показан в мировой литературе и до Диккенса. Но его Базилберби — одна из первых в мировой литературе фигур буржуазного эксплуататора.

Е. Ланна рассказывает, как молодой журналист Диккенс организовал забастовку работников газете «Сан», и приписывает Диккенсу такие размышления: «Буржуа лет смысла угнетать — не это ли ничто не вылетит. Чтобы чего-нибудь добиться, надо с буржуа бороться так, как борются текстильщики Лангшир-металлисты Бринншима и горняки Кардиффа. Вот это уж зря. Очень мало вероятно, чтобы у Диккенса могла быть подобная мысль. Ведь вся его трагедия и была в том, что он долгое время knowingly и искренне верил, что есть смысл «уговаривать буржуа». Достаточно вспомнить

сентиментально-морализирующую копилку «Домби и сына», чудесное перерождение холодного, жестокого собственника — в любящего отца и трогательного дедушку.

Антикапиталистические мотивы есть и в других произведениях Диккенса, хотя бы в том же «Сверчке на печу».

В этом и была акцеллеров пата диккенсовского реализма. Диккенс не понял, не смог понять революционного движения пролетариата, как не понял он и революционных традиций буржуазии («Повесть о двух городах»). При всем своем искреннем народолюбии, при всем своем искреннем отвращении к лицемерному парламентскому политиканству, Диккенс, несомненно, был отчасти затронут влиянием английского либерализма, с его идеями «органического» мирного развития: отсюда идиллически-примирительные нотки в его романах. Ведь и в «Пяльских», где изображение социальных зло занимает относительно небольшое место, где оптимистическая картина мира у Диккенса относительно наиболее гармонична, лишена напряженности, читатель все же несколько раздражен превращением в прелесть. Сема Уэллера Пяльских, преданность, вставленная в развитие сюжета отказывается от личного счастья, лишь бы только продолжить служить своему хозяину.

Но Диккенс всегда был оптимистом великим, чтобы всерьез верить в осуществимость социальных идеали. В «Пяльских» есть вполне замечательный по своей горькой прозе Пяльских, полна в долговую тюрьму, потрясен страданиями своих товарищей по заключению. Некоторым из них он пытается помочь, но не может же он помочь всем! И он принимает решение — уйти подальше от этих невыносимых условий нищеты и горя, запереть в своей камере, чтобы ничего не видеть: «У меня голова болит от этих стен и сердце тоже. Отныне я буду пленником в своей собственной комнате». Так мог поступить Пяльских, но не Диккенс. Создатель Пяльских и не мог, и не хотел нигде прятаться от тех впечатлений жизни, которые привалили боль его голове и сердцу. Не зря ли боль поронила тут лугувенным надломом, который свел Диккенса в могилу?

Мысль о неразрешимости классовых противоречий все настойчивее возникает в сознании Диккенса после 1848 года: об

этом свидетельствует и «Холодный дом», и «Крошка Доррит», и «Тяжелые времена».

Либералство, как изменяются концовки романов Диккенса. «Пяльские» своим колоритом напоминает романы старых английских мастеров XVIII в., которыми так восхищался Диккенс в юные годы. В «Пяльских», как это было и у Фолдингга, у Смоллета, в заключение все узлы разрешаются, любящие пары, преодолевают все ступицы, обильные препятствия, соединяются: значительный последний страничка романа — безмятежно-радостный. В последующих романах Диккенса возникает новый тип счастливой развязки, более сложный, более реально отражающий противоречия жизни. Конеч «Холодного дома», «Крошка Доррит» — тоже благополучный, но герои успели пережить столько испытаний, которые и утомили и до известной степени и сломали их, что самое их счастье оказывается несколько проблематичным. Этот тип развязки еще разрабатывался и другими мастерами викторианского реализма — он есть и в «Ирмарке тишина» Теккерея, и в «Джен Эйн» Ш. Бронте, и в «Владыке от шумной толпы» Гарди. У Диккенса эти развязки вымывают постепенно нарастающую кризис его оптимизма.

Очень стоило бы хоть немного разяснить во вступительном очерке эволюцию творчества Диккенса, постепенный переход его от мягкого юмора к бичующей сатире, от трогательных описаний народной нужды к трагическим острому постановке вопроса: как быть? Эта эволюция сказывается уже в «Пяльских» — этом первом шедевре двадцатичетырехлетнего Диккенса. «Пяльские» — становление реализма Диккенса.

В «Пяльских» есть что-то от обаяния живого Диккенса. Этот старый джентльмен с «длинной» двадцатипятилетнего» напоминает своего создателя и кристальной чистотой, и душевной свежестью, и своим искренним желанием помочь людям. И в то же время роман о Пяльских, при всей юмористической розовости коверта, дает представление о чужеродной азиатской и бездушной буржуазной Англии, о той Англии, летописцем которой был Диккенс и столкновением с которой ускорило его гибель.

Детям о прошлом

У детей нет памяти о прошлом — им печно вспоминать. Они живут в настоящем и мечтают о будущем. Меморальные доски на улицах и домах, памятники и музеи, календарные праздники и оживленные траурные даты сами по себе ничего им не напоминают. Детям надо рассказывать о прошлом, чтобы они представляли себе бытующую до них жизнь, почувствовали людей, ее делавших, пережили, хоть в воображении, давно свершившиеся события.

Лучше всего это могут сделать книги. У нас есть библиотека мемуаров, с огромным интересом читаем мы воспоминания участников, записки очевидцев революционных боев прошлого, их дневники и письма. Но для детского чтения большинство мемуаров чрезвычайно трудно, прежде всего потому, что у детей нет необходимых предварительных знания эпохи и автора.

Подчас именно непосредственность автора, индивидуальность его точки зрения, пристрастность оценок, чрезвычайно интересные для взрослого читателя, могут спугнуть подростка. Дети в книгах принимают все всерьез и на веру, поэтому им можно давать только очень авторитетные суждения, проверенные сведения.

Гораздо легче, доступнее и даже интереснее для детей другой путь узнавания прошлого — художественная литература. У любого писателя-беллетриста есть, конечно, свое отношение к тому, о чем он пишет, тем не менее жизнь в произведениях великих художников предстает перед юным читателем в каком-то большом обобщении, очищенной огнем искусства от случайных мелких пристрастий, личных ошибок и несправедливости.

Небольшая книга М. Подзелинского «На рассвете» — повесть о великом революционном шаге русского рабочего класса — находится где-то посередине между мемуарной и художественной литературой. Это промежуточное, в смысле жанра, существование является, в сущности, основным недостатком книги, главной ее бедой. Совершенно очевидно, автор был вправе выступить перед ребятами в рассказе о событиях, многие из которых, впрочем, прошли у него на глазах, о людях, которых он, несомненно, знал лично. Возможно, что как раз он мог бы написать свои воспоминания специально для детей и сделать их полезное дело. Но он отступил от своих и чужих воспоминания, а для художественной эпопеи, которой требовалась большая и разнообразная материал книги, у него хватало писательских данных.

Эпиграфом к своей повести Подзелинский взял слова Горького. И Горький, в самом деле, не раз вспоминается, когда вспоминается «На рассвете». Но эти воспоминания еще больше утверждают в мысли, что автор пытался сложить историю не по слухам. Он взял молодого интересного рабочего и в течение десятилетия (с начала 90-х годов до 1902 года) провел его буквально через все известные этапы русского рабочего движения. Конечно, можно себе представить человека, у которого было типичное для рабочего, широкое и нищенское детство, который в юности попал на завод и получил боевое революционное крещение на первой забастовке. Вполне естественно, что такой юноша мог участвовать в организации страховых кас, встретиться с Бабушкиным, попасть в рабочий кружок, на конспиративных «вечниках» слушать споры народников с экономами, читать «Что такое «друзья народа»» (Владимира Ильича) и — по воскресной школе — Н. К. Крупской. Дальше — стачка ткачей 1896 года, арест, суд, ссылка в Сибирь, побег, «незаконное положение». Став уже революционером в полном смысле слова, герой книги организует демонстрацию у Казанского собора, участвует в забастовке на Обуховском заводе, распространяет нелегальную литературу, читает «Искру», борется с экономками, ведет переписку с Лениным, который живет за границей. Потом опять арест, опять тюрьма, шифрованные письма, протест-голодовка, побег, переход через границу, Мюнхен. В Мюнхене он в

Правда, подобные «огрехи» попадаются и в других рассказах, но значительно реже: «...удобный поезд на Москву, которым всем хотелось уехать».

Но все эти мелкие промахи легко поправимы и должны постепенно исчезнуть в дальнейшей работе писателя, который в полой своей книге обнаруживает черты художественной самостоятельности, раньше лишь намечавшиеся. В отличие от прежней манеры письма, Петрищев глубже разрабатывает темы, за которые берется, и больше работает над раскрытием психологии изображаемых им людей; от конфликтов, нередко наудачных, условных, он перешел к сюжетам жизненным, способным волновать советского читателя.

Автор все внимательнее, пристальнее всматривается в своих героев — в людей сталинской эпохи, мастеров политико творческого труда, патриотов своей родины.

М. Подзелинский. «На рассвете». Детиздат. 1940 г.

Мастер короткого рассказа

О художественной прозе азербайджанского народа русский читатель имеет весьма смутное представление. Отдельные главы из романов и небольшие повести, помещенные в антологии азербайджанской литературы, вызвали естественный интерес и желание глубже познакомиться с творчеством азербайджанских прозаиков. Вышедшая на русском языке книга избранных произведений Джаалил Мамед-Кули-Заде отвечает этому желанию.

Начало литературной деятельности Мамед-Кули-Заде совпало с периодом революции 1905 года. Любимый ученик известного писателя и просветителя Ахундова, он возлагал в азербайджанской литературе революционно-демократическое течение. Основатель и редактор сатирического журнала «Молла Насреддин», в голос которого прислушивались миллионы трудящихся не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока, Мамед-Кули-Заде являлся вместе с тем содателью нового жанра в азербайджанской литературе. Он использовал приемы народного мифа, популяризаторского Молла-Насреддина, в шуках которого под простотой и безобидностью скрывался тонкий ад сатиры.

Журнал вел борьбу против феодальных порядков и новых методов эксплуатации, проводимых нарождавшейся буржуазией. Особенно сильно обрушивался он на продажное духовенство, осмеивая религиозные обряды и варварские обычаи. Чтобы избить рогаток царской цензуры и не отступать перед массами репрессии выходящих против ислама, журнал удерживался на тонкой грани с исключительной гибкостью и осторожностью. Вот тогда наряду с фельетонами и публицистическими статьями в журнале стали появляться своеобразные короткие рассказы Мамед-Кули-Заде. Форма народного анекдота была обогащена и доведена писателем до совершенства.

Реперируемая книга содержит девять новелл, повесть и повесть. Рассказы Мамед-Кули-Заде прежде всего привлекают своей предельной лаконичностью. Композиция их непринужденна, словесный рисунок точен. Они проникнуты мягкой, заворающей улыбкой автора. Описывая незначительные на первый взгляд случаи, писатель говорит о большом и важном. Сквозь тонкую ткань веселого анекдота вырисовываются контуры большой социальной трагедии.

Участники описываемых событий автор предоставляет полную свободу. Он словно говорит читателю: «Я человек мирный, уживчивый. Я честно вас знаюю, как люблю, с их жизнью. А если вам что-нибудь придется не по душе, я не виноват». Но это безразлично только кажущаяся. Тонкими штрихами, вольно брошенными фразами, микроскопические детали автор направляет зренье и мысль читателя.

Разоблачая религиозный фанатизм и деспотизм в семейной жизни, направляя свои стрелы против ханов, беков и русских чиновников, Джаалил Мамед-Кули-Заде берет за основу тему в деталях и выдвигает на передний план побочные темы. Секрет его мастерства заключается в искусном распределении света и тени, в умелом и внезапном освещении деталей. Вот, например, как раскрывает автор в рассказе «Молла-Фадали» трагическую судьбу женщины.

Молла Фадалил приехал из Ирана. Он беден и голоден, у него нет пристанища. Насреддин уступает ему свою комнату, кормит его, устраивает на работу в мечети. Все было бы хорошо, если бы не бессонница роста. Она его измучила. Да и хозяйка потеряла сон. Чтобы вернуть утраченный покой, Насреддин решил женить друга на своей родственнице Хейранисе. Однако гость и после женитьбы не переставал тревожить Насреддина. Однажды он разбудил его ночью и попросил сопроводить в баню, ибо по мусульманскому обычаю после каждой ночи, проведенной с женщиной, требуется совершить обряд омовения. Когда Насреддин вошел в баню, чтобы помочь ему умыться, он увидел, что Хейраниса и ее любовник лежат в постели. Вот и все.

Хорошие отношения испорчены мелким случаем. Однако не это задевает читателя. Его волнует другое. В рассказе два раза упоминается имя Хейранисы. Две короткие фразы. Но они крепко запечатлеваются в памяти. «За одно платье и шестнадцать рублей деньгами Хейраниса

Джаалил Мамед-Кули-Заде (Молла-Насреддин). Избранные произведения. Перевод Азиз Шарифа. Москва, Гослитиздат, 1940 г.

В Детиздате готовится к печати книжка О. Гордовикова «Поход через страну смерчей». На снимке: иллюстрация художника В. Коновалова к книге.

А. КАРАБАЕВА, А. КАРЦЕВ

«ПОБЕДИТЕЛЬ» В. ПЕТРИЩЕВА

Книга рассказов молодого писателя Василия Петрищева свидетельствует о несомненном художественном росте автора, по сравнению с его первой книжкой и отдельными произведениями, печатавшимися в Орловском альманахе.

Герой рассказа, давнего название сборнику, знаменитый профессор-металлург, уже 80-летний старик, тяжело болен. Но как в поисках своей «бессмертной» стали, так и теперь он оказывается победителем. Благодаря упорству и воле к жизни он отодвинул от себя час кончины, дождался приезда сына, тоже инженера, дождался и старого друга — мастера, чтобы с их помощью передать народу все, над чем работал последние годы.

Облик старого ученого, который даже в предсмертные часы полон творческой страсти, автору удалось передать вполне верно. Ведь именно эта страсть дает старику силы завершить победой свой долгий трудовой путь.

Хорош конец рассказа: в момент смерти профессора рождался в чехе новая сталь, создалась его мысль и талант.

Рассказ оптимистичен и оттого, что с большой любовью обрисованы в нем и другие советские люди, лучшие люди нашего времени.

Герой второго рассказа — «Мастерство» — старый рабочий-металлист — мастер высшей квалификации, вызванный в Москву, встречается здесь после долгой разлуки со своим сыном Степаном. Двадцать лет тому назад сын ушел из дома против воли отца, стал музыкантом. Отцу хотелось, чтобы сын вырос в крупного мастера на производстве. И только тогда стаете старик, когда его покоряет сила другого высокого мастера — игра Степана на скрипке; только теперь он начинает по-настоящему чувствовать и понимать, что в области музыкального искусства сыном проявлен талант, столь же ценный и лужный людям, как и любой талант во всяком общественно-полезном труде.

Правдив ли, убедителен ли конфликт, показанный автором? Безусловно. Вполне естественной кажется нам многолетняя обидка отца на Степана, — обидка, которая прокатит далеко не сразу.

Рассказы «Простое дело» и «Машинка в Кремль» тоже говорят о В. Петрищеве как об одаренном беллетристе.

Во втором из них есть, правда, излишняя усложненность, сбивчив ход мыслей у героя рассказа, но в известной мере это можно объяснить состоянием большого душевного подъема, переживаемого им; ведь он идет к человеку, с которым встретится, видимо, впервые, но который, тем не менее, был его вдохновителем на всем пути борьбы и труда в рядах партии, в рядах строителей социализма... Рассказ

«Машинка в Кремль» местами и несколько распыляет, как говорится, «шесть откат»; но он и не снижает общего хорошего уровня книги.

В рассказе «Простое дело» автор, пожалуй, излишне подчеркивает неустрашимость работника уголовного розыска, своим чуть ли не все его переживания (за время пребывания в банитском гнезде) лишь к зубной боли; если бы не она, пожалуй, получился бы у Петрищева, что человек, изображенный им, не испытывает никакой тревоги, несмотря на всю опасность и сложность своей работы. Тем не менее, «Простое дело» свидетельствует о росте описательного умения у Петрищева; что же касается способности интересно и даже увлекательно строить сюжет, то это достоинство писателя уже отмечалось в «Литературной газете» в связи с обсуждением в Москве прежних его произведений.

Рассказ «Молодость» — слабее остальных. В нем, во-первых, чувствуется растаялость, обилие лишней подробности (о британке Гамбургер, о случайной встрече трех друзей с женщиной в молной шляпке и т. д.). «Лихость» езды молодого журналиста на дрезине — столь же чужеродная, как и «жесточность» поступка любимой им девушкой, работающей в типографии с обожженными руками. «Молодость» страдает неряшливостью или просто невнимательными фразами: «Трех товарищей хорошо знали заведующая парка, хотя там они появлялись редко»; «Когда Рыбалченко и Макс вошли в комнату, Рыбалченко, чуть прищурив коричневый глаз, другой такой же коричневый был искусственным, поздоровався с Сергеем».

Правда, подобные «огрехи» попадаются и в других рассказах, но значительно реже: «...удобный поезд на Москву, которым всем хотелось уехать».

Но все эти мелкие промахи легко поправимы и должны постепенно исчезнуть в дальнейшей работе писателя, который в полой своей книге обнаруживает черты художественной самостоятельности, раньше лишь намечавшиеся. В отличие от прежней манеры письма, Петрищев глубже разрабатывает темы, за которые берется, и больше работает над раскрытием психологии изображаемых им людей; от конфликтов, нередко наудачных, условных, он перешел к сюжетам жизненным, способным волновать советского читателя.

Автор все внимательнее, пристальнее всматривается в своих героев — в людей сталинской эпохи, мастеров политико творческого труда, патриотов своей родины.

Мемуары участника и очевидца

Виктор ФИНК

В 10-й книге «Знамени» за 1940 год напечатано продолжение мемуаров генерал-майора А. А. Игнатьева, первая часть которых вызвала живой интерес у читателей.

Вторая часть начинается с красочного описания бала в Зимнем дворце. Великокняжеский Петербург, гвардия, сапожники, дипломатический корпус, царь с парней... Автор, тогда еще молодой гвардейский капитан, иррирует танцами... Но в те именно часы, когда «полковник в красном чехме, гвардейских казаков — Николай П» усердно и исправно выполнял команду маршера танцев, на другом конце России, в далеком Порт-Артуре, шли ко яну суда русского флота, повергшиеся неожиданному нападению Японии.

Вторая часть мемуаров А. А. Игнатьева охватывает период, начавшийся в ту роковую ночь и продолжавшийся два года. Это были два года, памятные в истории России. — годы русско-японской войны. Автор мемуаров участвовал в этой войне в качестве офицера при штабе главнокомандующего. Он прошел почти всю кампанию в непосредственной близости к ген. Куропаткину. Это придает особую ценность его воспоминаниям: перед читателем проходят лица, события, взаимоотношения, порядки, которые сыграли решающую роль в разгроме русской армии во время русско-японской войны и которые видеть и наблюдать можно было только из командного центра.

Неподготовленность армии выявилась, едва начались военные действия. Все стало разваливаться сразу. Обмундирование не годилось: нельзя было в бою носить белые рубашки и фуражки. Солдаты стали сами перекрашивать их в разные цвета, и очень скоро армия сделалась похожей на толпу оборванцев. Сапоги без гвоздей не годились для лазания по горам. Воевать приходилось в горной местности, а горной артиллерии не было. Подъем телефонов тоже не было. Разведки тоже не было.

«В академии нас с этой разведкой даже не знакомили. Это просто не входило в программу преподавания и даже

считалось делом «грязным», которым должны заниматься сыщики, переодетые жандармы и тому подобные темные личности. Неудивительно, что шпионы неприятеля волею разведку за нос.

Людей использовали бесполово. «Мы подсчитали, что в Мукденском сражении на охрану одних только полковых знамен... была затрачена чуть ли не целая дивизия!»

В штабе все было проникнуто бюрократизмом, канцелярищью, бумагопарией. Сам Куропаткин проводил за письменным столом круглые сутки. «Однако, что же там такое делалось в этом заветном салон-вагоне? На что именно уходило столько времени, сил и труда?» — спрашивает генерал А. Игнатьев и отвечает: «Вскрости мы узнали, что едва ли не главным занятием там было — выработать отмены отпавших распоряжений, и даже переписывать с собственным начальником штаба, генералом Сахаровым». Но генерал Сахаров, — это важно подчеркнуть, — жил не без вестя как далеко: он помещался в соседнем вагоне того же штабного поезда. Впрочем, и он на все бумаги командующего тоже отвечал в письменной форме.

Страшное впечатление производит выведенная А. А. Игнатьевым галерея офицерских типов.

Вот лейб-гусар граф Голенищев-Кутузов-Толстой — «характерен с породистым лицом», — как характеризует его автор мемуаров. В свое время он был изгнан из полка за кражу денег, которые «находили» в солдатских письмах. Вот принц Ханья Бурбонский, гренадерский лейб-гусар в малых годах чакчирах, испанец, с трудом изъяснявшийся по-русски, бретер и кутяла, прожитавший жизнь в в варшавском, то в парижском погубстве, — один из тех иностранцев-бездельников, которые испокон веку приезжали в Россию

к царскому двору «на ловлю славы и чина». Вот полковник Мадритов. Сам «Куропаткин дважды требовал увольнения со службы этого проходимца, но даже военный министр был бессильен против него, потому что Мадритов был протекте Безобразова» — владельца роковых концессий на Ялу.

За прохиндами идут бездарности и неучи. Командир разведывательного отряда князь Долгоруков послал из разведки таккое официальное донесение: «16 июня 3 ч. 30 м. С сопек. Видны две колонны, которые плут параллельно нашей колонии. Командир 3-й сотни 2-го Читинского полка кн. Долгоруков».

«Нужно ли говорить, — замечает ген. Игнатьев, — что в Манчжурии слова «сопек» так же мало определяют место отправки донесения, как на юге слова «из степей». По влюбков выяснилось, что эти колонны были не японские: князь принял за противника две наши собственные роты. Если такие донесения, — справедливо замечает автор мемуаров, — мог посылать бывший камерлаж и уже немолотый штаб-ротмистр кавадерградского полка, то чего же можно ожидать от храбрых, но совсем безграмотных урядников и казаков — бурят, с трудом понимающих русский язык?». И далее: «Казачьим офицерам можно было поручать только передачу запечатанных конвертов, но отнюдь не устных приказаний. Боялись, что они несутся».

За неучами идут робкие чинуши. Вот прохвостик схватка с японцами. Надо послать на сопки летящую часть. Капитан Игнатьев советует разрешить солдатам сложить сакки и вещевые мешки в деревне: «...а то люди никогда не влезут на эти кручи, — докладывал я генералу. —

Но возникло препятствие. Стоявший тут же командир батальона умоляюще просия этого не делать, ибо он не может, в таком случае, отвечать за потерю казенного имущества. Никакие доводы, что литератор боя и солдатские жизни дороже вещевых мешков, не могли склонить упорство старого служаки».

За чинушами робкими следуют чинуши злобные и высокомерные. Вот как было проиграно сражение под Вафангоу. Командир дивизии генерал Гернгросс нуждался в помощи. Командир корпуса выселал к нему свежую дивизию под командой генерала Глазко и предложил действовать совместно. «Гернгросс послал этому Глазко записку за запиской, указывая, где надо действовать. По генерал Глазко был чином старше генерала Гернгросса, считал, что не может получить указаний от генерала, стоящего ниже его по чину, и не слышавши с места. Сражение было проиграно, войска были разбиты».

Одни из генералов приехали за чинами. Таков, например, генерал Алексеев. Едва раздался первый выстрел, он начал эвакуировать имущество. Во время мукденской операции Алексеев, чтобы избежать встречи с армией Поги и спасти имущество, откатился сразу перехода на два. Вечером этого дня он жаловался своему ординару, что дела его плохи. Ординар подумал, что генерал сомневается о слабе позиций и плачевном исходе Мукденского сражения. Ординар не обиделся. У генерала было другое на уме.

«Ах, да что вы, дорогой, — возражал Алексеев. — Это все пустяки! А ведь корпус-то мне теперь не дадут?». Другие попали на войну, сами не зная как, зачем и почему. Вот генерал Левостам. Давно, еще молодым поручиком, участвуя в кавказской

войне, он получил георгиевский крест. Благодаря кресту он быстро проявился по службе и скоро «устроился», — как сам выражался, — начальником Тифлиского военного госпиталя. На этой должности он и состарился. «Казенная квартира, райское место. И зачем нужно было меня с него трогать?». Но услышала война, в главном штабе вспомнили о крестике и назначили старшего Левостаму как «бывшего генерала» начальником сибирской резервной бригады. Потом бригаду развинули в дивизию, придали артиллерию, парки, обозы и послали воевать. «Главный виновник всего — георгиевский крестик, — не раз вздыхал, говорил мой старик, — читаем мы у А. Гитова».

Автор мемуаров питрует шуточные куплеты, сложные офицерами о работе штаба и о некоторых старых начальниках: «И к тому же всего запятнее. Чуб не вползаете опять? И чуб шло все аккуратнее. Прилыкли баронов пять. Вышние посты в армии действительно занимали пять баронов: барон Бильдерлинг, барон Тизенгаузен, барон Штакельберг, фон-дер Бринкен, барон Мейендорф. Ген.-майор А. А. Игнатьев передает интереснейший свой разговор с Куропаткиным еще после того, как тот был отстранен от верховного командования. Говорил о том: «кто более всех виноват?». Капитан Игнатьев сказал, что Куропаткин «мало кого паял».

«На кого вы намекаете? Назовите фамилию», — сказал Куропаткин. «Тут мой начальник встал, пошел в угол полутемного вагона, спокойно открыл небольшую сейф и дал мне на прочтение следующую телеграмму:

«Ваше предложение об обновлении высшего командного состава и в частности о замене барона Бильдерлинга генералом таким-то, барона Мейендорфа генералом таким-то и т. д. и т. д., государь император находит чрезмерными. Подпись: «Министр двора барон Фелдервасс». «Руки опустились», — пишет А. Игнатьев. Пужно отметить, что А. Игнатьев отнюдь не старался сгущать краски, припасть своим мемуарам нарочитый характер памфлета против ушедшего режима. Все написано у него спокойно, просто, без лукавого мудрствования и правдиво. Но правду говорит сама за себя. Мемуары А. Игнатьева очень хорошо объясняют, почему так легко далась Япония в победе. Они показывают, что Япония, в лице тогдашней России, имела перед собой противника, для победы над которым ей пужно было быть особенно сильной и могущественной. И все же эта победа стоила ей дорого, и затяжка войны начала ее пугать. На последней странице своих мемуаров А. Игнатьев описывает в высшей степени любопытный свой разговор с японским военным аташе во Франции, который, подобно Игнатьеву, тоже участвовал в русско-японской войне. «Мы не ожидали такого затяжного характера войны, — сказал японский полковник. — Еще меньше мы могли предвидеть, что, сохранив армию, вы сумели довести ее численность к концу войны до миллиона людей при шестистах тысячах штыков. «Эти последние слова приоткрыли для меня секрет сравнительно мягких условий мирного Портсмутского договора».

Мемуары ген.-майора А. А. Игнатьева останутся не только как интересная книга, но и как памятник, весьма ценный для изучения истории русской армии и всего последнего царствования.

«Министр двора барон Фелдервасс».

«Руки опустились», — пишет А. Игнатьев.

Пужно отметить, что А. Игнатьев отнюдь не старался сгущать краски, припасть своим мемуарам нарочитый характер памфлета против ушедшего режима. Все написано у него спокойно, просто, без лукавого мудрствования и правдиво. Но правду говорит сама за себя. Мемуары А. Игнатьева очень хорошо объясняют, почему так легко далась Япония в победе. Они показывают, что Япония, в лице тогдашней России, имела перед собой противника, для победы над которым ей пужно было быть особенно сильной и могущественной.

И все же эта победа стоила ей дорого, и затяжка войны начала ее пугать. На последней странице своих мемуаров А. Игнатьев описывает в высшей степени любопытный свой разговор с японским военным аташе во Франции, который, подобно Игнатьеву, тоже участвовал в русско-японской войне.

«Мы не ожидали такого затяжного характера войны, — сказал японский полковник. — Еще меньше мы могли предвидеть, что, сохранив армию, вы сумели довести ее численность к концу войны до миллиона людей при шестистах тысячах штыков. «Эти последние слова приоткрыли для меня секрет сравнительно мягких условий мирного Портсмутского договора».

Мемуары ген.-майора А. А. Игнатьева останутся не только как интересная книга, но и как памятник, весьма ценный для изучения истории русской армии и всего последнего царствования.

Так бывает в жизни

Передо мной несколько новых пьес. В них все, как полагается: они написаны на важные темы, названиями критикует, на обложке стоит штамп «разрешена ГИРК за №... от... 194... года» и ниже указано, что пьеса распространяется Управлением по охране авторских прав. И если у вас будут какие-либо сомнения по поводу содержания этих пьес, авторы ответят вам, пожимая плечами: «Все вложено в жизнь!».

И в самом деле! Разве невозможно, чтобы жена инженера получила назначение на должность начальника депо, которую не брал никто? Разве самодовольство инженера не может быть заделом тем, что жена отныне стала его начальником? Ведь он не принимает подлинного равенства мужчин и женщин... И когда к этому присоединяется ревность, то разве не может появиться пропасть между супругами, прожившими даже шесть лет? Но упущена причина обид инженера на руководство. Вслед за назначением жены он получает возможность ехать в Москву как изобретатель. Он готов примириться с женой (его медвежье мужское самолюбие снова торжествует: он выше ее!), однако на том условии, что она бросит работу и уедет с ним... Так бывает в жизни! И совершенно естественно, что жена инженера не хочет бросить работу и жена расстается с мужем. Она пошла врозь своим супругом и его ревнованию к ее общественному росту, к росту ее личности...

Все это описано в пьесе Андрея Наврова «Жена инженера».

Отчего же, несмотря на то, что так понятна идея пьесы, защищающей право женщины на жизнь общественно полноценную, отчего так скучно ее читать, отчего нас все время не покидает мысль о долгой ненужности, никчемности этого произведения?

Вероятно, если бы герои пьесы — инженер Свиридов и его жена Екатерина — были какими-нибудь людьми знакомыми, мы совершенно не интересовались бы их семейными делами... Мы сочувствовали бы Екатерине, волновались бы за нее, видели ее душевное смутнение; может быть, пытались бы объяснить Свиридову ложность его взглядов, неадекватность его поведения...

А пьеса с трудом дочитывалась, сделавшаяся движением страниц, а не за развитием действия... Примитивность сюжета, центром которого является столкновение из-за должности начальника депо, не может увлечь.

Слепок жизни — не художественное произведение. Это, может быть, старо, но верно. Между тем, часто не понимаем не только авторов, но и диалог и организацию, распространяющие пьесы.

Говоря о жене инженера Свиридова, вспоминаешь жеманку Геллера Норву... Я не хочу сказать, что Геллер писал лучше. Не в этом дело. Но в Норве концентрировано все: огромное чувство любви, напряженное старание спасти свой кукольный дом, почти трагичное жестокое отравление, завершаемое хлопнувшей в ночь сальной калиткой.

Как бедна Екатерина Свиридова! Да, она платит, у нее пропадает молоко от волнения, и она не может кормить ребенка. Она... теряет аппетит и ест с трудом. Все это очень живо, но недостаточно выразительно для художественного образа драмы. Нет в этом концентратности чувства. Показано обычное житейское переживание в самом обычном его выражении, и трагичность в жизни, оно не волнует в произведении искусства.

Каждый художник видит проявления жизни по-своему, открывая даже в обычном чувстве, в обычном движении человеческого характера какие-то такие его формы и смысл, которые другим невидимы. И чем острее видение художника, тем неповторимее и своеобразнее художественный образ, тем больше он впечатляет.

Увидеть слезы, потерю аппетита у страдающего человека — это значит не увидеть ничего. И показав такие проявления страдания, автор не добьется сочувствия у своего читателя. Читатель будет думать, что он видел в жизни гораздо больше, чем сейчас в художественном произведении.

«Помидоры что-то не вижу», — говорят Свиридов жене, которая принесла ему обед. «Прости, забыла». «Ты бываешь иногда ко мне так невнимательна, девочка, что мне даже кажется, что ты просто не любишь меня». Так изображено явление конфликта в семье, где мужиком считает жену только домашней хозяйкой.

Это, конечно, из жизни. Это случается в жизни в очень многих квартирах одно-

го и того же города. Но если Флюбер писал о том, что в этот самый час моя бедная Воварка плачет в двадцати французских селениях, то это не означало для него, что типичное горе, разочарование женщины должно проявиться в стандартной, чаще всего встречающейся форме. Наоборот! Художник ищет неповторимых индивидуальных выразительных типичных качеств и переживания своих героев...

Инженер Свиридов тоже страдает. Свиридов рассказывает, что он «целую ночь по ночам, как зорь, бегал... Раза два (!) плавать принимался». Свиридов понимает, что «Михайл Николаевич, видно, тоже до нового смысла пока еще не совсем дошел... Нет, я не хвалю его... Только не сразу людьми делаются». Очевидно, она удивилась, что Свиридов измучен внутренними противоречиями, что в нем происходит тяжелый, мучительный перевод. А вот автор этого не понимает. Он отстает от своих же созданий. Ибо слишком примитивно и мелко кончается «переворот» в душе Свиридова. Переворот, оказывается, и не было вовсе.

Отчего так просто автор отказывается от внутреннего конфликта своего героя? Не показывает развития борьбы с собой, не пытается разрешить противоречие, не прокатывает остро, напряженно? Не оттого ли, что гораздо проще разрешить идею пьесы делением на белое и черное, к чему так часто прибегает и многие наши другие авторы? Примитивный муж-консерватив и советская передовая женщина... Крайне противопоставление...

Автор добавляет, что мизерные чувства героев его пьесы никого не убеждают. Они так бедны, эти чувства, что не приходят в столкновение, не противопоставляются в своем развитии, не вырастают, побеждая или будучи пораженными. Автор видит, что не убеждает зрителя ни в том, что жене инженеру пережить больше своего положения законной любовницы, ни в том, что медвежье мужское самолюбие ее мужа настолько сильно, что он не может совладать с ним. Идея пьесы не раскрыта в итоге борьбы действующих лиц. И тогда появляется риторика: действующие лица доказывают друг другу свою правоту логическими рассуждениями. Под занавес Екатерина в серьезном разговоре с мужем объясняет ему, как ей было трудно добиться своей общественной значимости, преодолевая его отношение к себе, как к «жене-девочке». Совсем, как Нора, но совсем не так по впечатлению сцены.

Рассуждения! Они подчеркивают не только основную идею произведения, но и побочные мысли... Они производят впечатление мысли. И когда автор притворно мило «Жену инженера» чувствует, что он не может показать полнокровное советской жизни, в которой не должно быть неудачников, он заставляет своих героев излагать эту мысль в речах. «У нас не весят только совсем бездельянам». «Любому нашему гражданину уже с пенелок весят прямо чертовски». Причем иногда эта радость жизни, вера в жизнь звучит без полноты. «Мне иной раз кажется, что я бы сам мог Рузвельта в карты обмануть», говорит начальник павловогоского отделения Быстров, любимый автором персонаж пьесы. Кстати, Быстров образ очень выразительный; о нем говорят: «и в век-то ты по имени и отчеству поминать».

К сцене автора надо сказать, что он признает значение человеческих чувств в жизни. Он вкладывает в уста того же Быстрова слова о том, что только тупицы отрицают человеческое страдание. Но показывать большие человеческие чувства автор не сумел, и правильная мысль его пьесы не способна возволновать читателя, даря бедности своего художественного воплощения.

Авторы многих пьес бегут общественно значительную тему сегодняшнего дня, ролевую развитую советской действительности. Так и должно быть. Советский художник не может не откликнуться на все, что волнует советских людей. Но борясь за актуальную тему, авторы нередко делают это без глубокого знания жизни и человеческих характеров, без отбора деталей, не умеют отобрать примитивное, наименее выразительное. Характеристики героев не вырастают в художественные образы, актуальность не сочетается с обобщением.

И напоследок сострадания пьеса, на которой стоит штамп «разрешена» и под ним примечание «распространяется», — блуждает по театрам в поисках менее выскатного. Прожив жизнь бесплодную и беспечную, она не оставляет никакого следа.

А. БАССЕХЕС

Художники наших дней

Суд современников не всегда справедлив. Ретроспективные выставки тем и ценны, что дают возможность восстановить в памяти несравненно забытое, отстоять все то, что в живом движении искусства оказывается случайным и наносным. Картина, не замеченная при первом своем появлении, может на такой выставке как бы вновь родиться. И тогда она входит в фонд неопровержимых ценностей художественной культуры, занимает определенное место в процессе формирования стиля.

К сожалению, этому акту исторического отбора на выставке лучших произведений советской живописи, скульптуры и графики было уделено меньше внимания, чем искусству последних лет. Почти все художественные произведения, собранные в залах Третьяковской галереи, созданы за последние пятьдесят лет. Только редкие картины относятся к начальной поре советского искусства. Перед нами останавливаются с особым интересом.

Скрывшие свое значение даже рядом с произведениями новой живописи. Это драгоценные памятники славной эпохи, свидетельствующие современников, сумевших прямо взглянуть на жизнь и правдиво, бескорыстно передать свои впечатления.

Неопороченные корни Грохова, коренная ясность, покинувшие поля и рудники для того, чтобы встать на защиту своей молодой родины, — в них переливается как медь, как металл, в эпоху нашего солнца, в вихри призрачной пыли, в общую картину боевой страды, покачнувшую художников без ложных эффектов и «романтичек» прирас.

Маленькие жемчужины Чепцова, при всех индивидуальных отличиях его стиля, определенности. Подлинности сельской сцене, три ступени примитивного павильона, бика суфлера на первом плане. Однако, не забывай свет сортира, а трезвое солнце дня проникает во все закоулки этой картины, загораясь на розовых обоях декорации. У рампы — совсем уж не театральный человек, секретарь сельской ячейки — оратор, только вчера научившийся руководить массами и педиком отставившим выступлению перед своими слушателями-крестьянами, тогда еще не колодой деревни.

Как в той, так и в другой картине только жанр: в первом случае «бытовой», во втором «жанр» в его чистом, традиционном виде. И все же это нововое по своему существу существо живопись. Художники задались целью показать достоверность и значительность революционной жизни, свидетелями и участниками которой их сделало время. Между тем старый жанр — это почти всегда изображение незначительного, мелочного в жизни или, в лучшем случае, сатирическое изображение ее темных сторон.

Даже в манере письма новая поэзия художников-пионеров привнесла к существованию изменению старого стиля. Правдивость была основой искусства Чепцова и Грохова, поэтому их работы кажутся нам и сейчас добротно выполненными, достоверными не только в своем историческом свидетельстве, но и в своем художественном воздействии. Это не этюды, а картины, законно отделившиеся в своеобразие, пусть пока еще и скромную форму.

Не ведет ли прямой путь от этих малых полетов жанровой картины к исторической картине, в которой отдельные наблюдения художников, различные жанры искусства собираются, как в фокус, представляя в новой сгущенности, в более значительных масштабах эпического произведения!

Мы можем на выставке проследить по-разному зрелищные, величественные и жанровые и портретной живописи к исторической картине будущего. Если жизнь людей становится по-новому осмысленной, если социализм входит в быт, то закономерно стремление художников представить этот быт в коллективных портретах, в больших работах, подымающих «сцену частной жизни» до значения исторических событий. К лучшим из таких картин относятся «Групповой портрет красных партизан» И. Машкова и не показанные на выставке «Третьяков» К. Петрова-Водкина.

На картине И. Машкова изображены три человека — отец и два сына, когда-то вместе партизанявшие и теперь появляющиеся перед художником в новых обстоятельствах, но со старыми боевыми штыками в руках. Отец сидит, сыновья встали почетной стражей по бокам. В аксессуарах то же смешение быта и истории:

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

В. И. Пимпович-Даченко кратко и точно определил содержание трагедии А. Карениной: «Конфликт страсти Анны с лицемерием общества и консерватизмом семейной морали». Дочка Белкин нецеловала поцелуем аспиранта ИФД! Своим «открытием». Анна Каренина погибла по собственной вине, а не в силу общественных условий. Если бы ее мужем был Вронский, а не Каренин, она все равно не удержалась бы от измены, от разрушения семьи. То ли дело героиня романа Чернышевского Вера Павловна! Она нашла выход в общественной деятельности...

Как ли были поражены аспиранты этим «открытием», оных быстро оправились и не поверили доверия!

Облагодетель сказал Левину за завтраком: «...чтобы любовь и семейная жизнь всегда были одно. А этого не бывает». Спор между ними о любви, семье, измене — как бы теоретическое вступление к истории гибели Анны.

Анна Каренина зашла в жизнь за то, что пыталась преодолеть трагическое противоречие между буржуазным браком и любовью. Дочка Белкин поверила словам отчаяния, вырвавшимся из уст Анны: «Я развратная женщина...»

Потому мы с нетерпением ждем, что скажет тов. Белкин о Татьяне. Белкинский взгляд в ней очистительную жертву за грехи общества. Великий критик видел в решении Татьяны также и проявление «государственной расковой божии» перед «общественным мнением». Он в гневе восклицал: «Вечная верность — кому и в чем? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безразличны». Последовательность требует, чтобы дочка Белкин осудил этот взгляд Белковского.

Мы добавим, что дочка Белкин оказалась против тех, кто в наше время, в стране социализма, в любви руководствуются «принципом», гневно сформулированным Лениным: «Покорно вас благодарю за удовольствие, но почтение...»

Да, с жеманственным отношением к любви и к семье, с распушестью наше общество борется.

Но зачем же выдвигать отравительное древнее лицемерие за советскую мораль? М. Г.

Смотр театров Ленинградской области

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). 14 января спектакль Псковского государственного театра «Федимаршал Кутузов» в городе Ленина начинается показ театрально-музыкального искусства и художественной самодеятельности Ленинградской области.

До революции в губернии и уездах, составляющих сейчас Ленинградскую область, не было ни одного постоянного театра. Сейчас же в городах и районных центрах области работают 6 стационарных и 11 передвижных театров, давших за один лишь 1940 г. свыше 7 тыс. спектаклей и концертов. Кроме того, в Ленинградской области имеется более 1000 самодеятельных театральных коллективов, 350 хороших кружков и т. д.

Готовясь к показу своего искусства, трудящиеся Ленинграда, области театры и самодеятельные коллективы провели большую творческую работу. Отбрасывая лишние спектакли и концертные программы, подготовлены новые постановки.

В просмотре и обсуждении всех этих работ активное участие примут крупнейшие деятели искусства Ленинграда. Показ театрально-музыкального искусства и художественной самодеятельности Ленинградской области — большое событие в культурно-политической жизни города Ленина.

Грустные размышления

Московский еврейский театр отметил 100-летие со дня рождения отца еврейского театра Авраама Гольдфадена постановкой его известной пьесы «Два Кунилемля». Появившись в печати статьи о Гольдфадене от этого спектакля более чем благоприятно, и в нем путь ли не новый этап в развитии театра. На самом деле это «жизнеростность», не выходящая за пределы репертуара, спектакль вывел на некоторые грустные размышления.

Московский еврейский театр не впервые обращается к Гольдфадену. Еще в 20-х годах театр поставил «Колдуны» и «Делать заповеди». Это были спектакли разного значения, но оба они были проникнуты тем «чувством расстояния», без которого гольдфаденовские пьесы сейчас немислямы на сцене. В свое время, в 1905 г., Шолом-Алейхем выступил против «Колдунов», потому что тогдашний еврейский театр, ставя «Колдуны» в потерявших свою первоначальную прелесть традиционных тонах, просто топтался на месте и повторял зады еврейской театральной культуры. Московский Голет пошел к Гольдфадену, вооруженный сознанием и культурой нового времени. Он выдвинул и подчеркнул в гольдфаденовских пьесах фольклорные черты, освобождая текст от исторической менашской морали, внес новые ассоциации, обобщающие моменты. Своей театральной работой Московский Голет обогатил Гольдфадена. Это была не музейная реставрация, а творческая реконструкция. И старая гольдфаденовская традиция, в своей основе являющаяся продолжением народных театральных представлений старинного «Лурим-шпиля», зашла на советскую сцену новой жизнью, освобожденная и одухотворенная.

В новом гольдфаденовском спектакле Московского Голета нет, к сожалению, той самостоятельности и свежести, которые были характерны для прежних постановок. С другой стороны, новый спектакль и не является простым повторением Гольдфадена.

Начнем с литературной редакции гольдфаденовского текста. Автор ее — З. Окуня (Шнейер). Мы знаем Окуня-Шнейера как прекрасного и неутомимого собирателя еврейского фольклора. Свою задачу в отношении гольдфаденовского текста он и поны в смысле наибольшего привлечения фольклорного материала. Но З. Шнейер, к сожалению, не справился с отбором и обработкой материала, как и не справился с общей концепцией: менашские элементы оставил и благополучно здравствуют в постановке пьесы. В чем же тогда смысл литературной редакции? Между тем, в содружестве с настоящим режиссером Шнейером, прекрасный знаток фольклора, мог бы, безусловно, принести пользу спектаклю.

В отсутствие настоящего режиссера и основная беда спектакля. Постановщик И. Кроль не обнаружил ни знания гольдфаденовской традиции, ни знания еврейской театральной культуры вообще, ни самостоятельной режиссерской мысли, ни «чувства расстояния», которое позволило бы выразить наше отношение к Гольдфадену. В результате — совершенно беспомощный, эклектический спектакль. Причем на этот раз как будто соворились все участники постановки: и режиссер, и автор литературной редакции, и художники, и композитор. Соворились и очень дружно, соревнуясь и переигывая друг друга, выполнили уговор.

Кому-то, может быть, подражают в этом спектакле? Тут и провинциальный олеографический сентиментализм так называемых «лирических» сцен, тут и куски лоревольционного еврейского «тановального» театра, тут и свист на «Большого вальса» — тут даже мизансцены в стиле недавно посетившего Москву Белостокского еврейского театра миниатюр. Причем все это не как объекты какой-то сознательной, нарочитой стилизации или пародии, а совершенно...

Картина С. В. Герасимова «Зима» на выставке лучших произведений советских художников, открытой 7 января в залах Третьяковской галереи.

под ногами партизан ковровая дорожка, спав и слева — фиску, на заднем плане — бунт Ленина и красное ананя. Уже по описанию видно, что художник являлся за очень рискованную тему — «опиорующие» люди как-то уже очень просто разместились в симметричной композиции, легко легкого было превратить любую картину в пустую аллеорию. Но И. Машкову удалось выдвинуть свой замысел с такой внутренней силой и точностью наблюдений, с такой уверенностью подлинного, боленнее трудности, живописи, что даже любовной покая новых людей оказалась ему под силу.

При первом своем появлении картина Машкова не получила справедливой оценки в печати. Многим она казалась легкой в своих основах. Но вот прошло несколько лет, и «Портрет партизан» занял видное место среди лучших произведений советской живописи. Время показало, что прав был художник, неправы критики.

У нас еще редко отдают себе отчет в трудности создания большой картины. За-

шенно всерьез, без грана пропни, как всамделишные составные элементы режиссерского разделения спектакля. А художники (И. Илфич и М. Генке) разработали внутреннюю ананя, словно иже-таки да-таки карикатурную пародию на Шагал и Тимплера. Даже музыка Л. Кузнецова, создавшего столько прекрасных мелодий для еврейского театра, звучит на этот раз, несмотря на наличие многих фольклорных мотивов, как подурри. Основная тому причина — отсутствие у постановщика руководящей мысли, отсутствие своего отношения к еврейской театральной традиции, отсутствие своего отношения к Гольдфадену.

Мы вовсе не требуем осложнения волевыми ситуациями, делаем в основе гольдфаденовской пьесы о двух Кунилемлях, хотя второй, подставной Кунилемля, являющийся с точки зрения Гольдфадена положительным героем, с нашей точки зрения может тоже сойти за Кунилемлю, только другой, более модернизированной разновидности. От волевыми ситуациями двух Кунилемлей, одного — настоящего, а другого — подставного, только один шаг до темы о двойниках, которая волновала разные поколения писателей — от Гофмана до Достоевского. Но мы, повторяем, отходим от постановочника «философичности». Мы, однако, вправе требовать вкуса, культуры, какой-то обобщающей точки зрения, основной мысли, единого стиля. Мы вправе требовать того, чтобы спектакль отражал свое время в смысле понимания той действительности, которая изображена в спектакле, и в смысле оценки драматического материала. Всего этого нет в спектакле, поставленном И. Кролем. В результате перед нами не обогащенное Гольдфадена, как это бывало в предыдущих работах Голета, а его снижение и обеднение, потому что нарушены первоначальная непосредственность и наивность оригинала.

Влияние, что радует в спектакле, это — талантливая актерская молодежь. Прелесть всего здесь, конечно, надо назвать Б. Крейдмана. Он уже и раньше показывал себя талантливым актером. Но он впервые выступает в такой ответственной и сложной роли, как Кунилемля. В пределах режиссерского разрешения спектакль актер прекрасно проводит свою роль. Это — актер больших возможностей, и мы от души желаем ему дальнейших успехов.

Хорошо, хотя сникком повторяя установленный в Голете канон, играет свата (шахедана) Я. Цыбулевский. Хорошее впечатление производит молодая актриса С. Бинник в роли Ханы.

Роль легкомысленной и сварливой жены свата исполняют попеременно молодые актрисы Э. Ройтман и А. Блинчевская. Первая удачно находит волевыми черты, вторая привлекает неожиданным сочетанием лукавства и мягкости и приятным голосом. Эпизодическую роль подвоха хорошо проводит З. Мейман.

Молодежь, участвующая в спектакле, приносит свою долю таланта и живучести. К тому же окончательно вытравить смех и веселье, бытующие у Гольдфадена, театру не удалось, несмотря на совместные и дружные усилия участников постановки. Поэтому спектакль вымывает по временам смех. Но у друзей еврейского театра, у тех, кому не безразличны судьбы его дальнейшего развития, смех этот омрачается грустными размышлениями, которыми мы считали долгом поделиться с читателем.

Имя Кунилемля стало в еврейском быту нарицательным для обозначения неадекватного друга, недотемы.

Смогут ли актеры вне привычной театральной обстановки донести до зрителя-слушателя само существо драматического произведения? Этот вопрос возник у нас, когда мы собирались слушать радиопередачу пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп».

Радиотрансляция «Живого трупа» должна удовлетворить самые высказываемые требования. За 50 минут радиоспектакль ставится С. Вирман уловив «показывать» радиослушателям, в самое существование в пьесе Л. Н. Толстого, театральное представление, которой продолжается более трех часов. Автор композиции текста В. Тихонов уложился в точно отведенное ему время, сохранив при этом целостность сюжета пьесы.

Наибольшого успеха добился актер В. Соловьев в роли Федя Протасова, И. Беренев — следователь С. Вирман — Анна Дмитриевна Каренина, И. Котлов — Артемьев, К. Зубов — князь Абрамов, Виктор Каренин — Царев, Лиза — Гранияннова, Маши — Зеркова — составили убедительные образы, отмеченные тем индивидуальными неповторимыми, что свойственно каждому толстовскому персонажу. Безупречно положительным следует считать принцип полноразмерности для этой вполне трудной постановки. Вирман распределил роли между актерами разных театров, разных школ и разных поколений: рядом с актерами театра имени Ленинского комсомола — актерами Малого театра. Большие партии исполнили артисты петербургского театра Ромэн и В. Якуничев из театра им. Немировича-Данченко.

Второстепенные роли сыграны так же хорошо, как и ведущие. Слушатель найдет знакомит сыщика Артемьева (Н. Китаев), поющего романе «Вчера я расстроял тенью вольной пленницы моея» в то время, как он предает Протасова в руки полиции. Молодой адвокат в исполнении Пелелина — моментальный снимок с благодушного либерального болтуна, захлебывающегося от восторженного ошарашивания в сцене суда. Музыка очень точно связывает отдельные сцены, создавая ту атмосферу, которой в театре зритель обычно проникается под впечатлением всей суммы сценических эффектов.

В программе литературно-драматического вещания, к сожалению, совсем не отведено места классической драматургии. Транслируется исключительно горьковский «Мальвины» и Гансера «Деревня» Ю. Крымова; сцены из комедии «На берегу Измайла», отчасти работа постановщика С. Вирмана и коллектива исполнителей над «Живым трупом» требует продолжения. Хотим было бы, если бы Радиокomitee поручил слушателю рядом новых радиопостановок русских классиков, в первую очередь Горького, Островского, Толстого, Чехова. Да и постановку «Живого трупа» следовало бы перевести из состояния «слепой» радиопередачи в трансляцию по телевизору.

п. ЯКОВЛЕВ

«Литературная неделя» по радио

Каждую неделю по четвергам со станцией имени Коминтерна в 18 часов 30 минут передается «Литературная неделя». Последний номер ее был в основном посвящен горьковской пьесе «На берегах» и рассказам. О первом постановке и встречал с писателем рассказчик радиослушателям заслуженная артистка республики С. Хавичкина о своем толковании образа Лутча — народного артиста СССР И. Москвина, по его словам, «проживший с Лукой душа в душу 39 лет».

В очередную передачу «Литературной недели» 16 января у микрофона выступил Михаил Пришвин. Он рассказывает об особенностях своего творчества и прочтет два рассказа: «О чем молчит рак» и «Медведь». Поэт Николай Тихов прочтет два стихотворения «Зима» и «Из захваченных стихов». В ближайших номерах «Литературной недели» по радио примут участие В. Ставский, Ю. Крымов, К. Чуковский.

В каждом номере «Литературной недели» дается краткая библиография вновь выходящих книг.

В письмах радиослушателей просит редакцию давать краткие обзоры книг, большие знакомить их с новинками советской и мировой литературы. Радиокomitee готов бы подумать об увеличении времени для передачи литературного еженедельника.

личеству в подлинном искусстве и является побудительной причиной, заставляющей художника бороться за кисть.

Есть люди, противопоставляющие колорит — по их мнению, сферу чистой эмоции, рисунку — сфере познавательной, и этим невольно ограничивающие кругозор художника. Думается, что самым характерным для нашей живописи является то, что в лучших ее произведениях — поэт, пытаясь в исследовании природы, всегда способствует проявлению красоты. Натюрморты Машкова и пид Сарьяна это доказывают так же убедительно, как пейзажи Рылова, Крымова, С. Герасимова или И. Грабаря.

Характерно и другое: даже в портрете и натюрморте наши художники тяготеют к большой форме. От излопанного исследования предметного мира они все решительнее переходят к изображению вещей в их слитности с окружающей природой. Так возникают большие пейзажи — натюрморты Кончаловского, Лентулова и Кузнецова. Так появляется серия портретов Нестерова, где человек наблюдается в характерной для него среде, в своеобразном пафосе его творческого труда. Эти умные портреты современников чем-то очень существенно отличаются от старых произведений портретного жанра. Они могут по силе своей психологической характеристике выдержать сравнение с любимыми литературными произведениями, не поступаясь в то же время ни одной из особенностей своего живописного языка.

В первом отклике трудно, не впадая в стиль поздравительного именинного перечня, перечислить все заслуживающие внимания произведения молодых и заслуживающих внимания старших живописцев. Уже совсем нельзя в нем хотя бы вскользь затронуть вопросы скульптуры, графики и архитектуры. Это задача дальнейших статей, равно как и прикладное изучение того, что дали на выставку живописцы.

Сейчас важно определить лишь: по общему впечатлению, которое она производит, и думать, что не ошибся, если выражу его следующими словами: наша живопись его следующего поколения, в лучшем смысле своих образцов она не менее полна, правдиво и темпераментно, чем другая живопись, выражает чувства народа.

П. А. ПЛЕТНЕВ

К 75-летию со дня смерти... Видный критик пушкинской и послепушкинской эпохи Петр Александрович Плетнев (1812—1886) выступил на литературном поприще в 20-х годах как поэт...

Эта «поклонение поэтическому», его тонкий вкус, свобода от литературного «староверия» помогли Плетневу своевременно оценить появление на литературном горизонте Тургенева и Достоевского, Островского и Писемского, Аполона Майкова и Полонского...

Из переписки Плетнева и Пушкина до нас дошли 31 письмо Пушкина и 23 письма его другу... В 1895 г. в издании Академии наук под редакцией Я. К. Грота вышло трехтомное издание сочинений Плетнева...

ДЖЕК ЛОНДОН К 75-летию со дня рождения... Трудно назвать другого иностранного писателя, который пользовался бы в СССР таким огромным успехом у читателей, как Джек Лондон... «Белый клык», «Джертвы» и др.

СИНОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА... Интересную работу проводит преподаватель педагогического института А. В. Багмет, составивший синонимический словарь украинского литературного языка XIX—XX веков...

Литературная газета № 2

ПЕТРОВАВОДСК. (Наш корр.). Первый съезд писателей Карело-Финской республики избрал новое правление союза, введя освежающую струю в ту атмосферу замкнутости и инертности, которая наблюдалась не только в работе многих писателей, но прежде всего у самого правления союза...

На вечерах писателей в явзаре-марте будут обсуждаться творчество поэта Орвасту, книги для детей Ю. Никуновой, напечатанный на переработку роман старшей финской писательницы Хильды Тихля «Лист переворачивается»...

Однако в работе с молодыми писателями новое правление допускает старые ошибки. Новое поколение литераторов, о котором так страстно говорилось на съезде, требует прежде всего большой воспитательной, идейно-творческой помощи.

СОБОРНИК

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АШХАБАД. (Наш корр.). Союз писателей Туркмении уделяет сейчас основное внимание обсуждению рукописей и новых выпускаемых книг...

В последние дни коллектив писателей обсудил стихи Я. Насырлы, исторический роман Берды Кербашева «Решающие шаги», сказки молодого русского поэта В. Шуваловой, стихи А. Аламышева и Казак.

Почты Насырлы и Аламышева, известный туркменским читателям по поэме «Сога», подготовили к изданию сборник своих стихов. Наряду с хорошими стихотворениями в книге много стихов чрезвычайно низкого качества...

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.). Небольшая литературная организация Новосибирска была раньше разделена на секции, и это приводило к разобщенности писателей. Теперь вместо собрания секций решено устраивать по субботам творческие вечера «Сибирских огней»...

Вечер памяти М. А. Фромана ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). О скромности и требовательности советского писателя, о любви к литературе, о подлинном и искреннем желании служить своим мастерством литератора советскому народу говорили поэты, прозаики, переводчики на вечер памяти М. А. Фромана...

Красноармейцы знакомятся с книгами В. Василевской Красноармейцы, командиры и политработники И-ского гарнизона любят и высоко ценят произведения польской писательницы Ванды Василевской. Недавно в Доме Красной Армии состоялся литературный вечер...

Положительную оценку словаря Багмета дал ряд присутствующих. Академик П. Тычина, поэт М. Рыльский приняли участие в издании «Синонимического словаря».

Г. НАЗАРЕНКО

Киргизский государственный орден Ленина музыкальный театр поставил в г. Фрунзе новую оперу «Токтогул» из жизни киргизского акына Токтогула Садылганова. На снимках (сверху): сцена из 3-й картины — жена Токтогула ожидает его возвращения домой. Внизу: сцена из 2-й картины оперы — арест Токтогула (в центре) и его друга Сары. Фото А. Бажалова (ТАСС).

Рекомендательная библиография художественной литературы

Последнее заседание Ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького было в значительной мере посвящено обсуждению новых задач, вытекающих из постановления ЦК ВКП(б) о литературной критике и библиографии. Институт становится центром рекомендательной библиографии по художественной литературе. Передавший ему журнал «Литературное обозрение» приблизит литературоведов к живой художественной практике, укрепит связь науки с жизнью...

На этом же заседании Ученый совет заслушал доклад и о директоре института проф. Л. Пonomареве об итогах работы института в 1949 г. Он отметил как крупные достижения подготовку учебников по древнерусской и римской литературе, по древнерусской литературе («Боянская повесть» и «Лепельский рассказ»), разработку марксистско-ленинского подхода к истории литературы, создание ряда ценных монографий и сборников новых критико-биографических материалов по Пушкину, Лермонтову, Л. Н. Толстому, Салтыкову-Щедрину и сборника теоретических статей, посвященных проблемам образа...

В работе института имеются, однако, и серьезные недостатки. Не выполнено одно из важнейших обязательств прошлого года: не подготовлено первого тома «Истории советской литературы». Л. Пonomарев предлагает, что том будет готов к концу первого квартала. Не удается до сих пор закончить редакционную работу по первому тому «Истории английской литературы» из-за непредоставления проф. Алексеевым авторских материалов...

«В степях Украины» В Малом театре начались работы над подготовкой новой пьесы А. Корнейчука, комедии «В степях Украины». Ставить спектакль И. Сулакян, режиссер — В. Цыганков, художник — Я. Штоффер.

ВЗАИМНЫЕ АМНИСТИИ Девятая и, главным образом, десятая книги альманаха «Воляжная новь» были темой обсуждения на заседании Бюро общественных комиссий ССП СССР (8 января). В последней книге напечатаны две повести И. Борисова «Бережливые встречи» и В. Банькина «Игнат Дубин», лирико-эпические сцены Н. Навлы «Дмитрий Довжиков», рассказы Н. Тиханова, В. Афанасова-Волыгина, Е. Шаповалова, цикл повестей И. Горюнова, стихи статьи воспоминания Почты де ла проза и стихи альманаха подтвердили суровую критику. Особенно подробно остановились писатели на двух повестях, которым уделено в книге много места. На серьезные идейно-художественные ошибки их авторы указывали Л. Шаниро, О. Реяник, Н. Волгодун, М. Эгарт и другие, подкрепляя свою критику конкретными анализами этих произведений и цитатами из них.

Центральной фигурой повести «Бережливые встречи» является кулак Абрамцев. Процесс его «перестройки» автор описывает с необычайным умением: он заставляет всех своих персонажей окружать Абрамцева вниманием и усиленной заботой, отражать его от всяческих неприятностей. В конце повести Абрамцев умирает его старый друг, оставшийся врагом советской власти, и тут у бывшего кулака предстает перед читателем в ореоле великодушника.

Положительные герои этой повести, к которым должны быть направлены симпатии читателей, — лица бездумные, поверхностные. Иные, кроме полных разговоров и довольно частых похвал, они не занимают. Поражает бедность их философии, вульгарность отношения к женщине, примитивность представлений о морали, любви, дружбе. Последним недостатком отмечены не только повесть И. Борисова, но и другие произведения альманаха, в том числе и петлюхой в общем рассказе П. Тиханова «Горь». Очень слабы по общему признанию, лирико-эпические сцены Н. Навлы. Они не оригинальны и сильно напоминают все написанное на эту тему, в частности оперный «Александр Невский» П. Павленко. — Беден, банален язык произведений, напечатанных в альманахе, — подчеркивает О. Реяник, приводя в подтверждение длинный ряд безграмотных цитат. — Как могло случиться, — спрашивает Л. Шаниро, — что эти суровые и серьезные произведения печатаются в альманахе, выпускаемом всего два раза в год? Неужели редколлегии не видят их недостоинства?

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ Газеты сообщают

Из писем читателей и от наших корреспондентов

АРХАНГЕЛЬСК. В зале Дома учителя художественно-педагогического С. Г. Писахова ежедневно во время каникул рассказывают учащимся средней школы свои сказки и дают пояснения к своим арктическим полотнам, выставленным там же.

БАКУ. В Детлазате ЦК КСМ Азербайджана выпел рассказов крупного азербайджанского прозаика и драматурга Абдулганима Ахвердова. В сборнике 13 маленьких рассказов, недавно обнаруженных в личном архиве писателя и нигде до сих пор не печатавшихся. Некоторые из них были написаны Ахвердовым незадолго до его смерти. В этих новеллах описывается борьба за советскую власть в Азербайджане.

ИОШКАР-ОЛА. Закрылась вторая конференция писателей Марийской АССР. Отчетный доклад сделал секретарь оргкомитета Союза писателей С. Николаев. Конференция избрала новое правление Союза писателей республики. Секретарем утвержден Т. Николаев. При съезде образованы секция прозы, поэзии, драматургии, народного творчества и секция русских писателей.

ИРОВОСК. Собрание литературной организации города заслушало доклад о годичной деятельности ирковского литературного кружка. По мнению выступавших товарищей, основным недостатком было слабое политическое воспитание молодых писателей.

КОЛОМНА. На предприятиях города, в техникуме и ремесленном училище состоялись встречи писателя А. С. Серафимовича с читателями. Кроме того в редакции «Колосников рабочий» А. С. Серафимович провел беседу с работниками печати и начинающими писателями.

ОМСК. В Ханты-Мансийске образована окружная комиссия по созданию единого литературного хантынского языка. Авторско-переводческая группа под руководством т. Макушина подготавливает к изданию учебники, политико-массовую и художественную литературу на хантыском языке. Готовится также сборник стихотворений хантыских поэтов Лазарева, Вахрушевой, Войветкина и других.

ТАШКЕНТ. Институт языка, литературы и истории Узбекского филиала Академии наук подготовлена и готова к печати монография о жизни и деятельности Алишера Навои. Объем книги — 25 печатных листов.

ТАШКЕНТ. В институте подготавливаются к печати избранные произведения Навои в 10 томах. Сборник афоризмов Навои и ряд других работ.

ХАРЬКОВ. Областные газеты «Социалистическая Харьковщина» и «Красное знамя» вместе с писателями, критиками, литературоведами и работниками библиотек провели недавно совещание по вопросу об отделе библиографии в газете. Обсуждены планы отделов библиографии.

ЧЕБОКСАРЫ. Два вечера обсуждались новые произведения чувашских писателей П. Хузаняра, С. Шалялы и пьеса А. Тальвира «Стелла Паладий».

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫПУСКАЕТСЯ НА ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «ГИБЕЛЬ „ОРЛА“»

Сценарий Г. ГРЕБНЕРА по рассказу К. Золотого «КАПИТАН ЛАДЬ» Режиссер В. ЖУРАВЛЕВ Оператор Ю. ФОГЕЛЬМАН Художник Ю. ШВЕЦ Композитор В. МУРАДЕЛИ

Производство студии «СОЮЗДЕТФИЛЬМ» ВЫПУСК «ГЛАВКИНОПРОКАТ»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» МОСКВА, Кузнецкий мост, 18 ТЕЛЕФОН К 4-42-39.

В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ КНИЖНОЙ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ (Литфонда) на ул. Горького, 13 И СЛИЯНИЕМ ЕГО С МАГАЗИНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВА, ПРИ МАГАЗИНЕ ОБОРУДОВАНА КОМНАТА ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЗАКАЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ. ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ УСТНО, ПИСЬМЕННО И ПО ТЕЛЕФОНУ. В ПРОДАЖЕ ИМЕЮТСЯ КНИГИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, ФИЛОСОФИИ и др. Магазин открыт с 9 ч. до 20 ч.

Газеты сообщают

Русская секция создана при Совете ветеранов писателей Армении. («Коммунистический Ереван».)

В Майкопе закончилась областная конференция агитов и сказителей, организованная Адыгейским научно-исследовательским институтом и отделением Союза советских писателей. («Большевик», Краснодар.)

Северо-осетинское издательство подготовило к печати сборник революционных, героических, пласовых, бытовых и шуточных осетинских народных песен. («Социалистическая Осетия».)

«Фольклор социалистического Киргизстана» — сборник пословиц, сказок, песен слал в печать Киргизский научно-исследовательский институт языка и литературы. («Советская Киргизия».)

Туркменский институт языка, литературы и истории совместно с Союзом советских писателей готовит к изданию первую антологию туркменской поэзии. («Туркменская миссия».)

По инициативе олесского Дома ученых, к 150-летию со дня основания Олеса выдано издать сборник «Олеса в воспоминаниях знавших людей науки, литературы и искусства». («Большевистское знамя».)

Г. ВЕЧОРА Умер драматург Герман Юльевич Вечора. Он писал медленно и оставил немного законченных произведений, но то, что им написано, отмечено хорошим вкусом. Театральная Москва знала его, главным образом, по его переработке западноевропейской драматургии. Переработанные им пьесы всегда носили отпечаток его творческой индивидуальности, по сути были как бы заново рассказаны, своеобразно и идейно освещены. К таким пьесам, пользующимся несомненным успехом, можно отнести «Всегда в пять» по Сомерсету Моэму, «Президенты и баланы» по сюжету романа О. Генри «Короли и капуста», «Волыно» по Джозюэ К. В этому ряду пьес можно отнести и самую удачную работу Германа Юльевича — драму «Войтеч», написанную по брехтовским фрагментам.

Помимо инсценировок и переработок Германа Юльевича имеется ряд пьес на советские темы. Среди них — «История юности» и «Сильные смерти», написанные совместно с П. Жаткинским.

Секция драматургов Союза писателей. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Учреждениям, товарищам, друзьям и ученикам, приветствовавшим меня в связи с тридцатилетием моей научной работы, — моя сердечная благодарность.

Н. ГУДЯИ

В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Состоится ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ НА ОБЩЕНАУЧНОМ УРОВНЕ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК тов. ЯКОБСОН Л. Г.

НА ТЕМУ: «Образность в поэзии». ОПОНЕНТЫ: проф. Нусилов И. И., проф. Тимофеев И. И.

С диссертацией можно ознакомиться в литературном кабинете МИФИЛИ.

СКОРО на ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ ВЫПУСКАЕТСЯ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ СУВОРОВ

Производства Московской ордена Ленина киностудии «МОСФИЛЬМ» Автор сценария Г. ГРЕБНЕРА Режиссеры — засл. деят. худ. В. ПУДОВКИН, одоленосец М. ДОЛЛЕГ Операторы — засл. деят. худ. А. ГОЛОВИНА, Т. ЛОРОВА, В. ГОРЮНОВ, Ю. ПЛАТОНИН, Н. ТИМАШЕВ

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ: СУВОРОВ Н. ЧЕРКАСОВ А. АЧИНСКИЙ Абрамцев — засл. арт. РСФСР М. АСТАНОВ С. КИЛИНОВ В. АКСЕНОВ П. ЛЫТВИНОВ Прокурор — засл. арт. РСФСР одоленосец А. АНТОНОВ

ВЫПУСК «ГЛАВКИНОПРОКАТ» КОГИВ «Политиздат»

ВЫПЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ О ЛЕДУША Я КНИГА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ МАЯКОВСКИЙ, В. ПОЭМЫ: «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо». Перевод и комментарии Гуго Гупфера. Изд-во «Международная книга». 1940 г. 136 стр. Т. 4.000. Ц. в пер. 10 рублей. ПРОДАЖА В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИВА. Почтовые заказы направляйте в ближайшее областное (краевое) отделение Когива, а также по адресу: МОСКВА, Кузнецкий мост, 18, книжный магазин «Интернациональная книга».